

КЕВИН

СЭНДС

и Код Блэкторна

ЧУМНОЙ
ДОКТОР

Следуй за подсказками!...

Код Блэкторна. Приключения для подростков

Кевин Сэндс

Чумной доктор

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111.93(73)
ББК 84(7Coe)-44

Сэндс К.

Чумной доктор / К. Сэндс — «Эксмо», 2016 — (Код Блэкторна.
Приключения для подростков)

ISBN 978-5-04-106550-8

Мастер Бенедикт обожал головоломки – тайны внутри тайн, шифры внутри шифров. И он, в числе прочего, привил эту страсть своему ученику Кристоферу Роу. Разумеется, он оставил ему ещё одну загадку! Да, деньги сейчас совсем не помешают, тем более, что в Лондон вернулась... чума! Город полнится слухами о сумасшедшем аптекаре, который нашёл средство от чумы. Кристофер думал, что Гален – шарлатан, да и только, пока собственными глазами не увидел, как его лекарство подействовало! Магистрат дал разрешение на массовое изготовление. А знаете, где откроют производство? В аптеке Кристофера! Он спасён от нищеты! Только вот ему не долго пришлось радоваться, потому что сегодня Галена чуть не убили в его собственной мастерской. Подождите... Здесь явно что-то не так!..

УДК 821.111.93(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-106550-8

© Сэндс К., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Понедельник, 31 августа 1665 года	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	49
Глава 11	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Кевин Сэндс Чумной доктор

Помни, где всё это началось.

Код Блэкторна

Kevin Sands

MARK OF THE PLAGUE

Copyright © Kevin Sands, 2016

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

© Куклей А.Л., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Понедельник, 31 августа 1665 года

Вчерашние смерти от чумы: 1143

Всего умерших: 30 551

Вот что я скажу: ежиная шкура действительно горит. Выявление этого любопытного факта не было целью моего последнего эксперимента. Тем не менее как всегда говорил мастер Бенедикт: никогда не знаешь, что приведёт к прорыву. С другой стороны, наблюдая, как округлились глаза Тома при виде чучела ежа, пылающего на подоконнике, я подумал, что «прорыв» следовало бы назвать провалом. В свою защиту могу сказать, что не собирался поджигать Гарри. Впрочем, этот аргумент Тома не убедил.

– Ты никогда и не планируешь ничего поджигать! – ответил он, скрестив на груди свои гигантские руки и уставившись на меня. – А потом оно загорается.

Началось, как всегда, с идеи. И с того, что я проигнорировал голос, сказавший: «Это плохая идея».

Глава 1

– Это плохая идея, – заявил Том.

Он искоса смотрел на устройство на краю верстака, словно взгляни Том прямо, оно могло выколоть ему глаза.

– Ты даже не знаешь, что эта штуковина делает, – заметил я.

Том прикусил губу.

– И уверен, что не хочу знать.

Приспособление выглядело довольно-таки... ну, странно. Оно было пять дюймов по толщине, с выпуклой крышкой, балансирующей на узком вертикальном цилиндре, плотно завернутом в сложенную бумагу. Верхнюю часть устройства уравнивали три деревянные ножки, торчащие снизу. К дну был прикреплен кусок пушечного фитиля.

– Выглядит как гриб с хвостом, – сказал Том и отодвинулся от стола. – И этот хвост легко воспламеняется.

Я почувствовал себя уязвленным. Странное или нет – это устройство было самым важным из всего, что я создал. Всё остальное оборудование в мастерской аптеки: глиняные банки, лабораторная посуда, ложки, чашки, горшки и котлы – лежало на боковых скамьях, холодное и неподвижное. Запах ингредиентов и отваров почти выветрился. Даже гигантская луковичеобразная печь в углу не действовала. Потому что я целиком был занят изобретением, которое должно спасти мою аптеку.

Я с гордостью поднял его.

– Курильница-для-вашего-дома от Блэкторна! Гарантировано... э... задымит ваш дом. Ну, рекламу ещё нужно доработать.

– Это твои мозги нужно доработать, – пробормотал Том.

На сей раз он зашёл слишком далеко.

– Мои изобретения всегда делают то, что должны!

– Я знаю, – отозвался Том. – В этом-то и проблема.

– Ну, смотри... – Я аккуратно поставил Курильницу на место и показал ему картинку, нарисованную на большом листе пергамента. – Она похожа на фейерверк, – объяснил я.

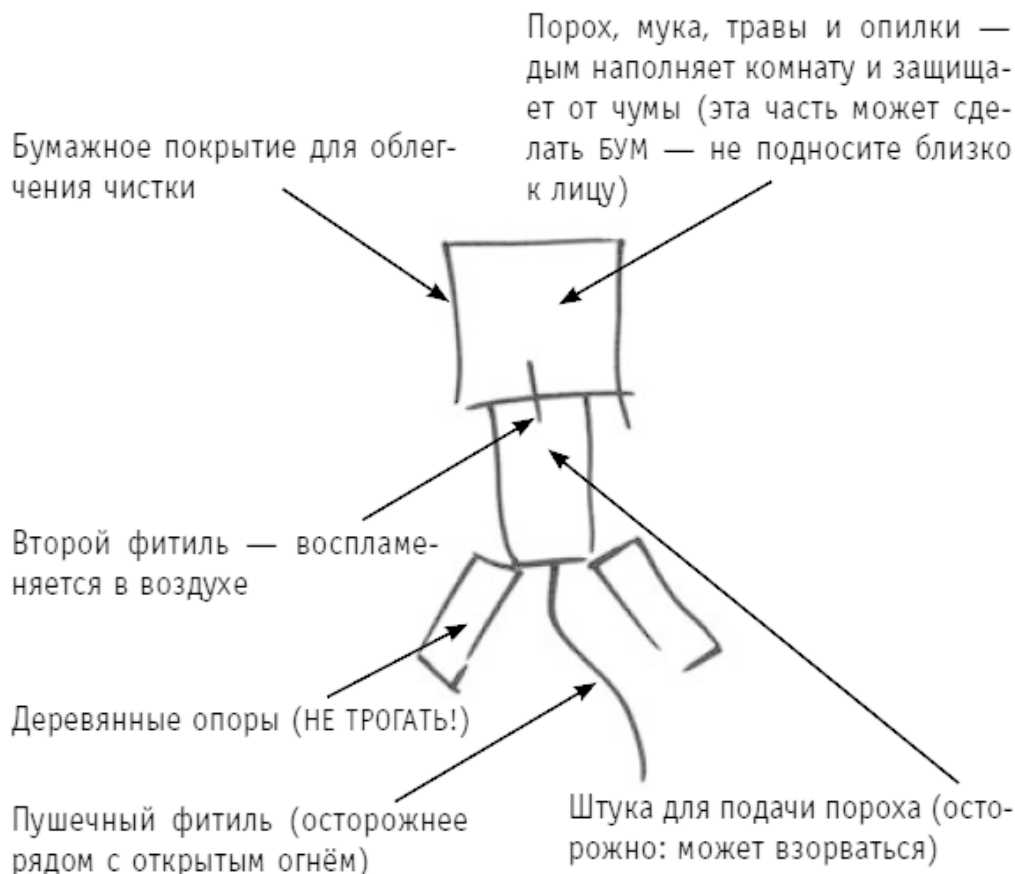
Как я теперь понимаю, это было не лучшее начало.

– Ты поджигаешь фитиль внизу. Порох из нижней части поднимает крышку в воздух. Затем воспламеняется второй фитиль. – Я взмахнул рукой, словно продавал шелка на Королевской бирже. – Любая комната вмиг заполнится дымом, который защитит твою семью. Создано, чтобы помочь избавиться от чумы!

– Ага, – сказал Том. Похоже, мои театральные жесты не произвели на него должного впечатления. – А зачем тут куча муки?

ДОМАШНЯЯ КУРИЛЬНИЦА БЛЭКТОРНА

*Изобретение Кристофера Роу,
ученика аптекаря*

– Это лучшая часть. Смотри.

Я подошёл к стене, у которой стояли два мешка с мукой. Взяв горсть, я высыпал её на горячий конус. Мы увидели, как вспыхнуло пламя.

– Видишь? – сказал я. – Она взрывается. Вот почему прошлым летом взорвалась мельница в Кэмдене. В воздухе было слишком много муки.

Том схватился на голову.

– И ты изобрёл это после взрыва мельницы?

– Ну... Это не так опасно, как порох, верно?

Похоже, Том не считал, что это поспособствует продажам.

– В любом случае, когда мука вспыхивает, она сжигает опилки и травы, наполняя комнату дымом. И этот дым – лучшее известное средство, защищающее от чумы. Мы даже можем делать такие штуки на заказ и класть внутрь всё, что пожелает клиент.

– А почему бы им вместо этого не развести огонь? – спросил Том.

– Ну, нельзя же просто взять и разжечь костры вокруг дома, – сказал я.

– Да уж, эта штуковина гораздо безопаснее!

– Она на самом деле безопаснее, – настаивал я. – Нужно всего лишь держать её подальше от штор. И масляных ламп. И домашних животных. И... Смотри! Я тебе покажу...

Том поспешно отступил.

– Стой. Ты ведь не собираешься её запустить?

– А что ещё, по-твоему, с ней делать?

– Я думал, ты просто шутишь.

С полок, на которых лежали ингредиенты, слетела голубка цвета соли с перцем. Она уселась передо мной и заворковала.

– Правильно, Бриджит, – хихикнул Том. – Вправь ему мозги.

Бриджит клюнула фитиль, вздрогнула, отскочила и улетела на второй этаж.

– Видишь? – Том нырнул за верстак. – Даже птица думает, что ты рехнулся.

– Ты ещё пожалеешь об этом, когда я буду купаться в золоте, – мечтательно пробормотал я.

– Я рискну, – отозвался Том из-за стола.

Я зажёл фитиль и пару секунд наблюдал, как он потрескивает и искрится, а потом присоединился к Тому в его укрытии. Не потому, что я боялся, разумеется. Просто это казалось... благоразумным. Фитиль достиг дна. Миг ничего не происходило. А потом порох загорелся. Снизу с шипением ударили искры. Цилиндр подскочил в воздух. Я дёрнул Тома за рукав.

– Работает! Оно работает!

Загорелся второй фитиль. Из цилиндра вырвались пламя и дым. Он медленно накренился. А потом стрелой вылетел через дверь, ведущую в лавку.

– Так и должно быть? – спросил Том.

– Ну-у... – протянул я. Хотя правильный ответ звучал как: «Нет».

В дверном проёме я увидел вспышку. А потом услышал: БУМ!

«Бума» я ожидал. Но вот вопля, который раздался следом – нет.

– А-А-А-А-А!

Глава 2

Мы ворвались в лавку.

Меня раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, моё изобретение сработало! Моя Курильница действительно наполнила комнату густым сладко пахнущим дымом. С другой же стороны, на стене между входной дверью и окном чернело большое обугленное пятно. Кроме того, Гарри – чучело ежа на подоконнике – пылал.

Размахивая руками и кашляя, Том бросился вперёд и распахнул входную дверь. Он схватил ежа за зад – единственную его часть, ещё не охваченную пламенем, – и вышвырнул на улицу. Гарри пролетел по воздуху, оставив за собой огненную дугу, дважды подпрыгнул на булыжниках и, в конце концов, замер, лениво догорая в переулке.

Том обернулся и уставился на меня. Я покраснел.

– Эй, погоди-ка... – начал я, лишь теперь заметив, что лавка пуста. – Мы же вроде слышали, как кто-то кричит?

Глаза Тома расширились.

– Ты взорвал покупателя!

– На самом деле он промахнулся, – послышался слегка дрожащий голос.

Из-за стола, стоявшего возле камина, показалась голова. Я увидел знакомый ореол тонких белых волос и слегка мутноватые глаза. Сердце подпрыгнуло в груди.

– Мастер Исаак!

– Приятно видеть, что вы заняты делом, молодые люди. – Исаак вылез из-под стола и поднялся на ноги со скрипучей медлительностью стариков.

Я кинулся вперёд, едва не врезавшись в него.

– С вами всё в порядке?

– Мне не так сильно досталось, как ежу. – Исаак отряхнул штаны. – Могу ли я узнать, в чём смысл всего этого? Зверь тебя чем-то рассердил?

– Я испытывал своё изобретение. Оно должно остановить чуму.

Исаак кивнул.

– Полагаю, дым действительно помогает отвратить болезнь.

У меня горели щёки.

– Простите, пожалуйста.

– Никакого ущерба нанесено не было. – Тут Исаак заметил след от сажи на плече своего камзола. – О, ну разве что небольшой. Не беспокойся об этом.

Я чувствовал смущение, но вместе с тем был ужасно рад видеть Исаака Чендлера. Продавец книг был одним из друзей мастера Бенедикта – и моим, как выяснилось. Он помог нам с Томом остановить последователей культа Архангела, которые весной убили дюжину людей. В том числе и моего учителя. Исааку принадлежала книжная лавка, затерявшаяся среди складов к северу от Темзы. И – что ещё важнее – в хранилище глубоко под своим магазином он прятал секретную библиотеку алхимиков, которую заполняли древние книги, содержавшие тайные знания многих столетий. Я был там дважды. Один раз – чтобы разыскать ключ, который помог мне раскрыть секрет мастера Бенедикта, а затем снова, четыре недели спустя – чтобы спрятать тот же секрет, оставленный мне учителем. Это был рецепт ужасающего оружия под названием «Огонь Архангела».

Мне хотелось побывать там снова. Уютный магазин Исаака быстро стал одним из моих любимых мест. Но сейчас я был просто рад, что Исаак вернулся: он уезжал из города на два месяца.

– Теперь вы снова в Лондоне? Это хорошо, – сказал я.

– Да. И нет. – Исаак вытащил из-под стола объёмистый кожаный ранец. – Могу я присесть? Поездка домой была утомительной.

– Конечно.

Я забрал у Исаака ранец и вознамерился усадить старика в удобное кресло возле камина, но он кивнул в сторону мастерской:

– Лучше бы поговорить наедине.

Удивлённый, я пошёл за ним в мастерскую. Том проводил нас страдальческим взглядом и, взяв щётку, принялся оттирать от стены сажу.

Исаак опустил на один из табуретов возле верстака и жестом предложил мне устроиться рядом. Я повиновался, поставив ранец между нами. Теперь, когда мы вышли из задымлённой лавки, я рассмотрел Исаака как следует. Он выглядел не лучшим образом. Я ощутил в животе тугой комок.

– Что-то не так?

– Я не болен чумой, если ты об этом, – ответил он. – Однако, похоже, годы берут своё.

Он сгорбился на табурете, прикрыв глаза. Его лицо было грязным от дорожной пыли. Я принёс ему кружку несвежего пива из оставшейся у меня в кладовой бочки и последнюю булочку – из тех, которые Том испёк сегодня к завтраку. Исаак осушил кружку четырьмя глотками.

– Спасибо. Уже много лет не приходилось ездить верхом. – Он поёрзал на табурете. – И мой зад считает, что лучше б я и впредь этого не делал.

– Вы недавно приехали? – спросил я.

Старик кивнул.

– Час назад. Вместе с твоим старым другом.

Я нахмурился.

– У меня есть старый друг?

– Лорд Эшкомб, – сказал Исаак.

Лорд Ричард Эшкомб был эмиссаром короля и защитником интересов его величества Карла II. Как и Исаак, лорд Эшкомб помогал остановить последователей культа.

– Я думал, что он в Уилтшире с королём, – сказал я.

– Он вернулся в Лондон лишь на день. Но следовало с ним встретиться, потому что у него было кое-что для меня.

Исаак открыл свой ранец и вытащил два свёртка. Один из них оборачивала льняная ткань, но книготорговец указал на второй. Этот был из промасленной кожи и туго обвязан верёвкой с узлами, запечатанными воском.

– Что это? – спросил я.

– Книга, – отозвался Исаак. – И очень необычная. Я ждал тридцать лет, чтобы её заполучить.

Я во все глаза смотрел на пакет, словно мог просверлить взглядом кожаную обёртку.

– О чём она?

Исаак провёл пальцами по верёвке.

– Сейчас неважно. Возможно, однажды я покажу её тебе. Но не сегодня.

Мастер Бенедикт говорил так же. Это сводило меня с ума. Но я понимал, что не смогу убедить Исаака рассказать мне, если он не хочет, и потому скрыл разочарование, спросив:

– А что в другом пакете?

– Ничего особенного. Но тем не менее эта вещь весьма ценна для меня.

Он развернул льняную ткань. Внутри лежал свежеиспечённый медовый пирог, покрытый глазурью.

– Мой любимый, – сказал старик. – Попробуй.

Я отрезал кусок, но мой взгляд неизменно возвращался к таинственному свёртку на прилавке.

– Откуда это взялось?

– Из пекарни на Флит-стрит.

– Я имел в виду книгу.

– Неужели?

– Мастер Исаак! – воскликнул я с раздражением.

– Из Египта. Она из Египта. И это всё, что я могу тебе сказать, – добродушно ответил он и сунул свёрток обратно в сумку. – Я рад, что чума не уменьшила твоё любопытство. Или аппетит...

К тому времени я уже прикончил первый кусок пирога, и, полагая, Исаак заметил, как я поглядываю на оставшуюся часть лакомства.

– Простите.

Он отрезал мне ещё кусочек.

– Буду счастлив поделиться. Я беспокоился о тебе. Из Лондона приходили очень плохие новости.

Что бы он там ни слышал о Лондоне, это не могло в полной мере описать ужас, охвативший город. Когда последователи культа Архангела убили моего учителя, я думал, что ничего хуже случиться уже не может. Я ошибался. Чума, затихшая на тридцать лет, снова вернулась в Лондон – вдвое страшнее, чем прежде. Она началась с нескольких отдельных случаев за пределами городских стен, но быстро распространилась, подстёгнутая летней жарой. Официальные данные об умерших, оглашаемые каждый четверг, были мрачными: 6102 смерти только на прошлой неделе. И все знали, что эти цифры занижены. Реальные были, вероятно, вдвое больше. Всего умерло тридцать тысяч человек, и это число росло каждый день.

На нашей улице первым погиб ребёнок. Джонатану Хартуэллу, сыну серебряных дел мастера, было всего десять лет. Сперва его родители надеялись, что мальчик болен чем-то другим, поскольку симптомы были неопределёнными: озноб, судороги, пот. Но затем всё изменилось – началась неконтролируемая рвота. Тело мальчика сотрясали конвульсии. Он бредил и перед его мысленным взором появлялись то ангелы, то демоны. Мальчик то восхищался, то страдал, то молился, то изрекал проклятия. Тем не менее Хартуэллы отрицали, что это чума, пока на теле мальчика не появились неоспоримые доказательства. Бесспорным признаком чумы были «знаки» – ужасные чёрные вздутия на шее, под мышками, в паху и – в редких случаях – сыпь и красные пятна.

Как и у большинства больных, у маленького Джона появились пустулы. Он так кричал, что я слышал его через четыре дома, хотя закрывал окна и зажимал уши. Увы, я ничем не мог помочь. Я дал отцу Джона немного мака, чтобы облегчить мучения бедного мальчика, но это не спасало от болезни. И даже тогда его мать не теряла надежду, поскольку некоторым удавалось выжить после чумы. Но в конце концов крики Джона утихли и пришла тишина, которая затем сменилась рыданиями его матери. А я только и мог, что слушать их, беспомощный и бесполезный. Как и сейчас.

– Дела идут всё хуже, – сказал я Исааку. – И мне очень страшно.

– Болезнь уравнивает всех нас, – ответил он. – Стало быть, ты следишь за этим пророком?

– За кем?

– Мне рассказывали, будто в городе есть пророк, который может предсказать ход чумы, – сказал Исаак. – Ты его видел?

Я о нём даже не слышал.

– Мы с Томом по большей части сидим в лавке и почти не знаем новостей. Разве что читаем списки умерших.

И были бы рады, если б не знали и этого.

Как и все прочие, мы с Томом старались не выходить из дома, поскольку никто не знал, как распространяется болезнь. Люди считали, что дым может держать её подальше – отсюда и моё не совсем удачное изобретение. Но на самом деле никто не был уверен, не заразился ли, пока не появлялись знаки.

В любом случае и не было особой нужды выходить на улицу. Чума заставила Лондон замереть в неподвижности. Большинство лавок закрылись, и товары, которые можно было в них купить, тоже исчезли. Все, кто мог позволить себе уехать, уже уехали. Всё лето лондонские улицы были забиты экипажами: богатые люди в панике бежали в деревни, где было не так опасно.

Единственными, кто регулярно появлялся на улицах, были владельцы «телег смерти». Каждую ночь они собирали трупы с метками чумы, звоня в колокол и громко крича: «Выносите мёртвых»!

Исаак покачал головой.

– За мою жизнь чума трижды приходила в Лондон. В 1603, 1625 и 1636 годах. И вот что скажу тебе, Кристофер: эта хуже, чем все остальные вместе взятые. Если здесь вправду есть пророк, это значит, что высшие силы вновь заинтересовались нашим городом. Думаю, не нужно объяснять тебе, насколько это опасно.

Я вздрогнул, вспомнив об «Огне Архангела».

– Когда разразилась эпидемия, я решил, что вы, наверное, вообще не вернётесь.

– Я и не собирался. Но узнал новости об этом пророке и беспорядках в городе и передумал. Вот почему остановился тут по пути обратно. Хотел сказать тебе, что закрываю свою лавку.

Когда я осознал смысл его слов, то почувствовал себя так, словно меня с размаху ударили в живот. Хотя я лишь дважды навещал Исаака, он был другом моего учителя. И теперь казалось, что я во второй раз теряю свой дом.

– Но... почему? И что станет с библиотекой в хранилище?

– Ничего. Именно из-за библиотеки я и закрываю магазин. – Исаак вздохнул. – Я люблю магазин так же, как твой учитель любил свою аптеку. Но там, в библиотеке, вся моя жизнь. Всё, что я делал, было ради неё. Я служил ей, пестовал её, защищал... И тем не менее я был глуп. – Он кивнул на сумку, в которую спрятал книгу. – Я покупал книги, думая о будущем, но не подготовился к нему. А следовало бы. У меня нет ученика. Если я умру, некому будет занять моё место. Однако библиотека должна выжить. И значит, я тоже должен выжить – ради неё. По крайней мере, протянуть ещё немного.

Исаак устался в свою кружку.

– Я предпочёл бы вообще не возвращаться. Но если мою лавку разграбят и воры найдут тайный проход в хранилище... Нет, я не могу этого допустить. Раз уж мне придётся остаться в Лондоне, есть только один способ избежать болезни – ни с кем не общаться, – сказал Исаак. – И поэтому вот что я сделаю: закрою лавку и запрусь в хранилище. Уже ясно, что чума продлится ещё несколько месяцев. Я позаботился, чтобы в библиотеке хватило еды и я мог продержаться.

Я попытался представить, каково провести несколько месяцев под землёй. Не дышать свежим воздухом, не видеть солнце. Это казалось ужасным.

– А вам не будет одиноко?

– Книги составят мне компанию. Ну, если ты не захочешь присоединиться.

Я заморгал.

– Я?

Он кивнул.

– Поэтому я и зашёл. Поскольку твоего учителя больше нет, я хотел предложить тебе отправиться со мной в библиотеку. Там хватит места нам обоим. И несмотря на книги, всё

равно гораздо приятнее, когда есть с кем перемолвиться словом. Вдобавок, я не буду волноваться, что ты подхватишь болезнь.

Я не знал, что сказать. Мне не хотелось жить под землёй. Но с другой стороны: жить в чумном городе – тоже радости мало. И я мог бы лучше узнать Исаака, услышать его рассказы о мастере Бенедикте. И эта библиотека! Все эти книги. И всё время мира, чтобы их читать.

– А как насчёт Тома? – спросил я. – Ему тоже можно прийти?

Исаак поджал губы.

– Семья Тома ещё жива?

– Да.

– И они не захотят узнать, куда он делся?

Теперь я понял, почему Исаак предпочёл говорить со мной наедине.

– Захотят, – удручённо ответил я.

– Я буду рад Тому, – сказал Исаак. – Мы раскрыли ему наш секрет, и твой друг доказал, что он этого достоин. Но, как ты уже успел понять, знания из этой библиотеки будут опасны, если попадут не в те руки. Его родственники не должны ничего знать. Поэтому, боюсь, ответ – нет.

Я был разочарован, но не винил Исаака. Мать Тома – порядочная женщина, но жуткая сплетница. Сёстры Тома тоже хорошие девочки, но они ещё слишком юны для такой ответственности. Что до отца Тома – чем меньше о нём говорить, тем лучше. Ясно, что Том не сможет прийти. И раз так, мой ответ очевиден. Что, если Том заболеет, пока я буду сидеть в безопасном подземном убежище? Я не мог его бросить. Как не мог бросить то, что оставил мне учитель.

– Я очень хотел бы пойти с вами, – сказал я Исааку, – но Тому может понадобиться моя помощь. А ещё... Не знаю... Я надеялся, что смогу чем-то помочь городу.

При этих словах я почувствовал себя немного глупо. Но Исаак, улыбнувшись, положил руку мне на плечо.

– Я сделал Бенедикту такое же предложение ещё в тридцать шестом, – сказал он. – И он ответил мне то же самое. Ладно. Тогда к практическим вопросам. Пока я не заперся, скажи: может быть, тебе что-нибудь нужно?

Я был смущён.

– Ну... если уж вы спросили... я подумал, может быть... То есть если у вас есть...

Исаак поднял бровь.

– Я бы хотел вернуться домой, прежде чем подхвачу чуму, Кристофер.

– М-м... Вы не могли бы... э... одолжить мне немного денег?

– Денег?

– Я верну, честное слово! – поспешно прибавил я. – Я просто... ну, как бы сказать?..

Поиздержался.

Исаак смерил меня строгим взглядом.

– Гильдия аптекарей дала тебе десять фунтов после смерти Бенедикта. Ты же не растратил их все?

– Не растратил, – ответил я. – Потому что не получил.

В его глазах мелькнуло понимание.

– Дай-ка угадаю. Ты ходил за ними каждую неделю. Но у них всякий раз были какие-нибудь отговорки. А теперь, когда началась чума, они просто закрыли двери, и ты не можешь забрать деньги.

– Они всегда были очень вежливы.

– Не сомневаюсь. На что же ты жил всё это время?

– Продал часть запасов из магазина другим аптекарям, – сказал я. – Но теперь никто больше их не покупает.

– Поскольку все боятся, что ингредиенты заражены, – закончил Исаак.

Я кивнул, чувствуя себя несчастным. Смерть мастера Бенедикта не только разбила мне сердце. Она оставила меня без средств к существованию. После истории с культом Архангела Гильдия аптекарей должна была назначить мне нового учителя, но едва началась чума, совет гильдии закрыл её и сбежал вместе с остальными богатеями. И когда гильдия перестала работать, все надежды на нового учителя исчезли – заодно с обещанными мне десятью фунтами.

Будучи учеником, я по закону не имел права продавать лекарства самостоятельно. Так возникла идея Курильницы-для-вашего-дома. Поскольку дым лишь мешал подхватить чуму, а не лечил её, формально она не являлась лекарством, посему продавать её было не противозаконно.

Однако огромный след сажи возле двери и обугленный ёж на улице ясно давали понять, что изобретение пока не вполне готово для продажи. И учитывая, что немногие оставшиеся аптекари не желали покупать мои запасы, денежный ящик вконец опустел.

– О, Кристофер, – виновато сказал Исаак. – Я не должен был оставлять тебя здесь одного.

Он вынул из кармана пять серебряных шиллингов и положил их на стол.

– Я дал бы больше, но все мои сбережения ушли на борьбу с чумой... Вот что: возьми и пирог тоже. Нет-нет, не спорь. – Он похлопал себя по животу. – Может, я его и люблю, но он не слишком любит меня.

Если бы не страх перед болезнью, я обнял бы старика.

– Вы так мне помогли!

– Но недостаточно, – пробормотал Исаак.

Конечно, денег не хватит до конца эпидемии, но эти серебряные шиллинги будут кормить меня ещё несколько недель. Том придёт в восторг – и не только из-за медового пирога. Их семейная пекарня закрылась, поскольку все клиенты сбежали; и так как мука стала дешёва, большинство людей сами пекли себе хлеб.

Отец Тома, будучи записным скрягой, держал дома запас денег, поэтому некоторое время ни Том, ни пятеро его сестёр не умрут от голода. Но на меня его отец не потратит и фартинга. На самом деле он дошёл до того, что сам поощрял Тома проводить время со мной, поскольку Том ел мои запасы, а не их. Чего отец Тома не знал, так это того, что Том всё это время крал из дома еду и приносил мне.

Конечно, он не мог взять слишком много – одну-две булочки, достаточно маленькие, чтобы спрятать их под рубашкой. Так что деньги Исаака очень меня выручат, по крайней мере на некоторое время.

Я спрыгнул с табурета, чтобы рассказать Тому.

– Подожди, – сказал Исаак.

Я замер в дверях. Том уже закончил оттирать стену, а теперь принялся расставлять лекарства по местам. Через окно я увидел двоих мужчин, идущих к моей лавке.

– Я дал Бенедикту слово, что ничего не скажу, – продолжал Исаак. – Но думаю, в сложившихся обстоятельствах он не стал бы возражать, если бы я нарушил обещание. – Старик выпрямился на табурете. – Полагаю, ты ещё не нашёл сокровище своего учителя.

Глава 3

Я захлопал глазами.

– Сокровище? Какое сокровище?

Открылась входная дверь, и вошли двое мужчин, которых я видел на улице. Исаак склонил голову, прислушиваясь, и приложил палец к губам.

Том вопросительно взглянул на меня. Я жестом велел ему обслужить покупателей, закрыл дверь в мастерскую и ринулся обратно к Исааку.

– Сокровище?

Он кивнул.

– Когда твой учитель понял, что культ Архангела вот-вот доберётся до него, он написал новое завещание, оставив всё тебе. Но Бенедикт по-прежнему беспокоился: что будет после его смерти. В частности, он желал оставить тебе нечто, не упомянутое в завещании. Он не хотел писать об этом открытым текстом – на случай, если завещание попадёт в чужие руки. Понимаешь?

– Сокровище? – Я, казалось, превратился в попугая. – Но какое?

Исаак нахмурился.

– Точно не знаю. Знаю только, что у Бенедикта были деньги – много денег. Но твой учитель намекнул, что оставляет нечто особенное. То, что непременно должно было попасть к тебе. Бенедикт не сказал мне, что это такое, и он хотел, чтобы ты нашёл сокровище сам. Однако переживал, что не найдёшь. Поэтому он оставил одну вещь мне. Просто на всякий случай.

Исаак кивнул на ранец.

– Там несколько писем. Одно из них тебе. Читай.

В сумке я нашёл их семь, перевязанных шпагатом. Первые пять имён были мне незнакомы, зато я узнал шестое – лорд Ричард Эшкомб.

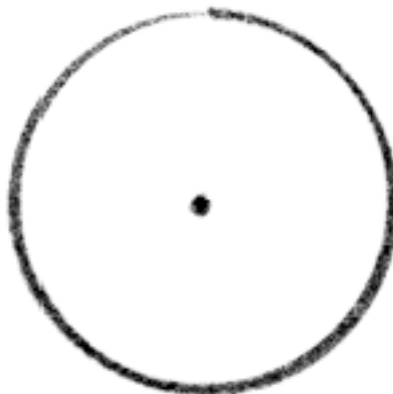
Я замер на мгновение, гадая, какие дела связывали Исаака с королевским эмиссаром. Но тут же заметил фамилию, которую на самом деле хотел увидеть. Я провёл пальцем по буквам.

Кристоферу Роу

Аптека Блэкторна, Лондон

– Бенедикт взял с меня слово, что я не отдам тебе письмо, пока не пройдёт хотя бы год, – сказал Исаак. – Он на самом деле хотел, чтобы ты сам разыскал то, что он тебе оставил. Но учитывая эпидемию...

Я перевернул письмо. Печать моего учителя представляла собой единственный знак: круг с точкой в центре.

Я узнал символ. Будучи тайным алхимиком, мой учитель пытался раскрыть секреты Вселенной, лежащие за пределами смертного мира. Чтобы сохранить в секрете свои исследования, алхимики использовали особые символы для обозначения материалов, небесных тел, инструкций и тому подобного. Круг с точкой в центре обозначал Солнце – свет, тепло, жизнь. Как и все небесные тела, Солнце было связано с земным металлом. Марс – это железо. Меркурий – ртуть. А Солнце?..

Солнце – это золото.

Из-за двери послышались голоса. Я не обратил на них внимания. Сломав печать, я прочитал письмо учителя.

Кристофер!

Итак, в нашем доме есть ценность, спрятанная для тебя, – сокровище.

Зная твою натуру, думаю, что ты его ещё не нашёл. Уверен, впрочем, что ты захочешь получить его. Чем раньше, тем лучше. И всё же ты не найдёшь сокровище, пока не осознаешь нечто очень важное.

Наш дом теперь принадлежит тебе. А значит, используй всё, что у тебя есть. Шевели мозгами, пока не доберёшься до разгадки. И уж конечно, если я расскажу больше прямо сейчас, ты не станешь слушать. Хочу, чтобы ты выяснил всё самостоятельно.

Пожалуйста, прочитай это письмо очень внимательно. Тайна где-то в нём. И, решив эту задачу, ты отыщешь сокровище. Ценность, которую я тебе оставил, а ещё ты узнаешь последнюю – самую важную – вещь, которую я хочу тебе сказать.

У меня защемило в глазах, и снова заболело сердце так же остро, как в тот день, когда мастера Бенедикта убили. И всё-таки его письмо заставило меня улыбнуться. Разумеется, учитель оставил мне загадку.

Мастер Бенедикт обожал головоломки – тайны внутри тайн, шифры внутри шифров. И он, в числе прочего, привил эту страсть мне.

Я утёр глаза и ещё раз перечитал письмо, ища подсказки.

Исаак откашлялся.

– Похоже, ко мне ты потерял интерес.

Я вскинул взгляд.

– Простите!

Он отмахнулся от извинений.

– Бенедикт был точно таким же. – Старик поднялся на ноги. – Хотел бы я помочь тебе найти то, что скрыто в этом послании, но не знаю, с чего начать. И уверен: тебе не терпится приступить к поискам. А мне пора домой. – Он нахмурился. – Вдобавок Тому может пригодиться твоя помощь.

Я так увлёкся письмом учителя, что не сразу осознал происходящее снаружи, но теперь услышал – разговор на повышенных тонах. Спор.

Открыв дверь, я понял, что Том пытается утихомирить посетителей. С одной стороны от прилавка стояли двое мужчин, которых я видел прежде. С другой – ещё один. Он, должно быть, пришёл уже после того, как я закрыл дверь в мастерскую.

Этот человек явно переживал тяжёлые времена. Он явно давно не мылся. Его одежда была грязной и поношенной, с бесчисленными заплатками. Сальные волосы, руки в мозолях. Возле кончика носа виднелась огромная бородавка. Но хуже всего был запах: казалось, мужчина только что вляпался в нечто неприятное. Двое других явно были не в восторге от его присутствия, он раздражал их. А мужчина меж тем умоляющим голосом говорил Тому:

– Пожалуйста, господин. Что угодно...

– Простите, – ответил Том, – но я ведь уже сказал вам: это не моя лавка...

– Мы пришли раньше, – досадовал один из двух мужчин.

Том явно испытал облегчение, когда я наконец-то вышел. Нищий заметил Исаака в дверях за моей спиной. Горбясь и хромя, он направился к нему.

– Добрый сэр...

Прежде чем он успел продолжить, Исаак указал на меня. Нищий, казалось, несколько удивился, однако обратился ко мне.

– Пожалуйста, молодой господин. Меня зовут Майлз Гаспар. Я был кожевником в доках, когда началась чума. Теперь кожевенная мастерская закрылась. Я уже два месяца без работы. Нет ли у вас работы для меня? Я готов делать что угодно.

– Простите, – сказал я, – но я не...

– О, прошу вас, сэр. Я не гордый. Что угодно. Хоть самую малость. Я не могу прокормить семью. – Майлз стиснул руки. – У нас с женой два малыша. Нас выставили на улицу, потому что мы не могли заплатить за жильё. Мы кормим детей тем, что удаётся найти. Я не ел три дня. Пожалуйста. Хоть что-нибудь!..

Я чувствовал себя ужасно. Увидев эту лавку, он, должно быть, решил, что я купаюсь в золоте. И как я мог ему сказать, что сам был вынужден просить денег у Исаака?

– Я... У меня нет для вас никакой работы. Мне очень жаль.

Он повесил голову.

– Я понимаю. Извините за беспокойство. – И мужчина повернулся, собираясь уйти.

Глядя, как он хромяет прочь, я вспомнил свою собственную жизнь несколько месяцев назад. Я тоже жил на улице. Даже сейчас, имея шиллинги Исаака, я снова мог там оказаться – и очень скоро. Если не найду сокровище мастера Бенедикта.

Я мало что мог сделать для этого несчастного. У меня действительно почти ничего не было. Но я вспомнил, как в июне один человек, у кого тоже почти ничего не было, спас меня вместо того, чтобы выдать и получить деньги, обещанные в награду за мою голову.

– Стойте, – сказал я.

На полпути к двери Майлз с надеждой обернулся. Я прошёл через мастерскую в кладовку. Там было почти пусто: полмешка овса, бочонок несвежего пива и клин солёного сыра. Я взял сыр, завернул его в льняную ткань от медового пирога Исаака и вернулся в лавку.

Я протянул свёрток Майлзу:

– Для ваших детей.

Он взял сыр дрожащими руками и сморгнул слёзы.

– Благослови вас Господь, добрый господин. Благослови вас Господь.

– Это всё, что у меня есть, – сказал я.

– Понимаю, господин. Я понимаю. И не буду тревожить вас снова, даю слово. Храни вас Бог.

«Храни Бог всех нас», – подумал я, когда Майлз вышел.

Том, казалось, был доволен тем, что я сумел помочь этому человеку. А двое покупателей – тем, что нищий больше не портит воздух.

– У вас есть сейчас время, чтобы нас обслужить? – спросил мужчина, который до того громко возмущался.

Моей проблемой была отнюдь не нехватка времени.

– Простите, но я не могу...

– Наш хозяин отправил нас купить венецианскую патаку.

Эту просьбу я слышал часто. Многие считали, что венецианская патака – противоядие от некоторых ядов – также помогает бороться с чумой.

– Мы заберем всё, что у вас есть, и всё, что вы сумеете приготовить.

Два месяца назад я поставил в окне табличку: «Временно закрыто – скоро откроется». Но это не всегда помогало, поскольку многие люди просто-напросто не умели читать.

– Простите, сэр, – сказал я, – но лавка пока не работает. Я жду своего нового учителя.

– Он будет здесь сегодня?

– Э... нет. – Мне не хотелось говорить, что аптека Блэкторна закрыта на неопределённый срок. Если пойдут слухи до того, как мне назначат нового учителя, я могу навсегда потерять всех наших клиентов. – Его... не будет некоторое время.

Мужчина протянул мне открытый мешочек для монет.

– Ну, мы не можем ждать. Дайте нам патоки на всю сумму.

Я смотрел на кошелёк. Внутри лежало золото. Гинея равна одному фунту и одному шиллингу, а в кошельке их лежало по меньшей мере восемь.

У меня спёрло дыхание.

– Я... я не могу продать вам патоку.

– У вас её нет?

Патоки у меня было много, на полке прямо за прилавком.

– Мне... не разрешается продавать лекарства без учителя. – Я сглотнул. – Есть ещё один аптекарь...

– Нам не нужен другой аптекарь, – сказал мужчина. – Хозяин велел купить патоку здесь. Он сказал, что у Блэкторна она лучшая.

С каждым новым словом мне становилось всё хуже. Наша патока – лучшая. И на деньги из этого кошелька я мог жить несколько лет.

Том как зачарованный разглядывал монеты. «Просто возьми их», – прошептал тихий голос у меня в голове.

Я посмотрел на мужчин. Они упомянули своего хозяина, но я не знал, кто это. Что до самих людей, они были мне незнакомы. Оба были одеты в довольно простую одежду из шерсти и льна. Я бы принял их за слуг, если бы не две вещи.

Во-первых, оба носили оружие. У одного за спиной пряталась боевая дубинка со стальным шипом на конце, у другого на поясе висел короткий палаш. И во-вторых, у обоих были бронзовые медальоны, пришитые к камзолам прямо над сердцем. Они выглядели одинаково: круг с треугольником внутри, а в центре – что-то похожее на крест; по краю были выгравированы какие-то буквы. Я не видел, какие именно.

Мужчина протягивал мне кошелёк. Звенели монеты. Если я возьму их, то смогу отлично жить до конца эпидемии.

А если их хозяин расскажет, откуда у него патока?

Я чувствовал взгляд Тома и понимал, что мой друг хочет что-то сказать. Но я знал, каков должен быть мой ответ.

– Я... Простите, но я не могу.

Еще секунду мужчина держал передо мной кошелёк. А потом закрыл его.

– Нашему хозяину это не понравится.

Его слова звучали угрожающе, но это не имело никакого значения. Если меня поймут на продаже лекарств, я потеряю всё: свою аптеку, своё будущее и всё, что оставил мне мастер Бенедикт. Я не готов был этим пожертвовать – даже за все гинеи мира.

– Мне очень жаль, – сказал я.

Мужчина открыл рот, чтобы возразить, но Исаак вышел вперёд:

– Мальчик принял решение.

Человек обвёл нас взглядом. Затем повернулся на каблуках и ушёл вместе со своим спутником. Мне потребовалась вся моя сила воли, чтобы не ринуться следом за ними.

Исаак положил руку мне на плечо.

– Ты поступил правильно. И почувствуешь себя лучше, когда будешь покупать свежую еду на рынке. А ещё лучше – когда найдёшь сокровище Бенедикта.

Я печально кивнул. Том выглядел растерянным.

– Сокровище? – переспросил он. – И еда?

Том чуть не заплакал, увидев медовый пирог. Пока он жевал его, я показал ему письмо учителя.

– Поразительно, – сказал Том, обдав меня фонтаном крошек. Он оглядел мастерскую, словно задаваясь вопросом, в какой из сотен аптечных банок на полках запрятано сокровище мастера Бенедикта.

Я же не думал, что оно в одной из них.

– Он хотел, чтобы я разгадал загадку – и тогда найду его. Он не стал бы прятать сокровище там, где я могу наткнуться на него чисто случайно.

Том взял ещё один кусок пирога.

– Почему мастер Бенедикт думает, что ты до сих пор его не нашёл?

Для меня это была самая большая загадка из всех. В письме он упомянул об этом дважды.

«Зная твою натуру, думаю, что ты его ещё не нашёл».

«И всё же ты не найдёшь сокровище, пока не осознаешь нечто очень важное».

Это явно было для учителя очень важно. Как и для меня. И не только лишь из-за денег.

«а ещё ты узнаешь последнюю – самую важную – вещь, которую я хочу тебе сказать», – говорилось в письме.

Даже Исаак это заметил: «Твой учитель намекнул, что оставляет нечто особенное. То, что непременно должно попасть к тебе».

Итак, что мой учитель мог считать настолько уж важным и всё-таки думать, что я никогда не найду это самостоятельно? Я не понимал, к чему он клонит. Зато я заметил в его письме кое-что любопытное.

Том тоже это заметил. Он указал на последнее предложение.

– Разве «а» не должна быть с заглавной буквы?

– Да, – сказал я. – Мастер Бенедикт не сделал бы такой ошибки. Наверняка это код.

– Код к чему?

Я не знал. За последние три года мастер Бенедикт показал мне так много разных шифров, что я не мог вспомнить их все. И, конечно же, были шифры, которым он меня не учил: некоторые он только собирался показать, а в некоторых я должен был разобраться сам.

Я раздумывал, не стоит ли порыться в его заметках. Проблема состояла в том, что записи моего учителя были, мягко говоря, беспорядочны. Он содержал лавку и мастерскую в идеальном порядке, но наверху всё выглядело совершенно иначе. Большинство комнат, включая спальню мастера Бенедикта и ведущий к ней коридор, были так забиты книгами и бумагами, что он мог бы открыть собственную библиотеку. И мой учитель никогда не вёл свои записи организованно – по крайней мере, так, чтобы в них могли разобраться другие люди.

Он частенько отправлял меня наверх во время работы.

«Принеси-ка мне травник Калпепера, – говорил мастер Бенедикт. – Он в кладовой на третьем этаже».

В обычном доме кладовая могла бы быть чьей-то спальней. У нас же она была завалена стопками бумаг и книг, как и всё остальное. Единственное место, где мой учитель не хранил свои книги, находилось в подполе. Там мы устроили ледник. Мастер Бенедикт хотел превратить пространство под домом в настоящий погреб, но у него так и не дошли руки. И если

подпол до сих пор не был заполнен книгами и бумагой, то лишь потому, что там они могли испортиться от сырости.

Итак, я приходил в кладовую и с беспомощным видом замирал посреди комнаты.

«Учитель?..»

«Двенадцатая полка от северо-восточного угла. Иди против часовой стрелки, – говорил с лестницы. – Четвёртая книга снизу. Обложка с рисунком».

И я возвращался, неся ему эту книгу и покачивая головой.

Но теперь моего учителя не было рядом, и никто не мог сказать мне, где искать. Посему мы с Томом сидели в мастерской, ели медовый пирог и беспомощно смотрели на строчную букву «а» в начале предложения.

Ответ пришёл ко мне позже тем же утром.

Мы размышляли, как потратить деньги Исаака на рынке. Туда мы собирались после обеда, поскольку сейчас мне хотелось продолжить работу над посланием мастера Бенедикта.

Бриджит составляла нам компанию – голубка гуляла по верстаку и клевала всё, что могла найти после того, как Том нынче утром пёк хлеб. Он вынимал из духовки противень со свежеиспечёнными булочками, когда я с воплем вскочил с табурета, заставив Бриджит нырнуть в укрытие.

– Вот оно!

– А-а-а! – отозвался Том, и булки вылетели у него из рук.

– Прости, – извинился я.

Бриджит гневно взмахнула крыльями. Том печально посмотрел в котёл, где медленно тонули два золотисто-коричневых комка.

– Из-за тебя я упустил булки!

– Плюнь на них. Смотри. – Я разгладил письмо учителя на верстаке. – Я нашёл ответ – «а» строчная, потому что это важно. Она не заглавная, поскольку не должна ей быть.

– Не понимаю, – сказал Том.

– Я думал, что мастер Бенедикт не поставил заглавную букву, потому что это часть послания. Но на самом деле вся штука в том, что это не часть послания. Видишь? Он спрятал секрет в заглавных буквах.

Я взял чернильницу и перо и обвёл все прописные буквы в письме учителя.

Итак, в нашем доме есть ценность, спрятанная для тебя, — сокровище.

Зная твою натуру, думаю, что ты его ещё не нашёл. Уверен, впрочем, что ты захочешь получить его.

Чем раньше, тем лучше. И всё же ты не найдёшь сокровище, пока не осознаешь нечто очень важное.

Наш дом теперь принадлежит тебе. А значит, используй всё, что у тебя есть. Шевели мозгами, пока не доберёшься до разгадки. И уж конечно, если я расскажу больше прямо сейчас, ты не станешь слушать. Хочу, чтобы ты выяснил всё самостоятельно.

Прочитай это письмо очень внимательно. Тайна где-то в нём. И, решив эту задачу, ты отыщешь сокровище. Ценность, которую я тебе оставил. а ещё ты узнаешь последнюю — самую важную — вещь, которую я хочу тебе сказать.

Появилось сообщение – всего одна фраза, читаемая легко и ясно.

ИЗУЧИ НАШИХ ПТИЦ

Том был впечатлён.

– Умно, – сказал он и осёкся, увидев ужас на моём лице. – В чём дело?

– Том... – пробормотал я, – но все наши птицы улетели.

Глава 4

Мы устали на Бриджит. Голубка была увлечена, она склёвывала с верстака рассыпанную муку, но, заметив, что мы на неё смотрим, с любопытством подняла голову.

До того как люди из культа Архангела убили моего учителя, мы держали в голубятне на плоской крыше несколько десятков птиц. Но когда последователи культа обыскивали нашу аптеку, большинство голубей, испугавшись, улетели. Осталась только Бриджит. Мастер Бенедикт написал это письмо за несколько месяцев до своей смерти – задолго до того, как наши голуби разлетелись. Он не мог предположить, что птицы исчезнут.

– И как же мне изучить наших птиц, если их нет?

– Может, ты неправильно понял сообщение? – предположил Том.

– А как ещё его понимать?

– Не знаю. Но я не представляю, как голуби могут помочь нам найти сокровище твоего учителя. Или что, оно спрятано у них под перьями?

– Может, голуби должны были привести меня к нему? Они умные птицы.

Когда я прятался от культа Архангела, Бриджит, улетев из голубятни, несколько раз умудрялась разыскать меня в огромном городе.

– Но ведь мастер Бенедикт написал, что сокровище спрятано где-то в доме.

Это было дельное замечание. Вдобавок, когда мой учитель был жив, он редко выпускал птиц из голубятни. Так куда и как они могли меня привести?

Бриджит вернулась к муке. Я наблюдал за ней. Где-то в нашем доме есть ценность...

В нашем доме?

– Как ты думаешь, крыша считается за дом? – спросил я.

Миг мы смотрели друг на друга. А потом я схватил перепуганную Бриджит и ринулся вверх по лестнице. Через люк вылез на крышу. Голубятню разорили, когда грабили аптеку. Городские предписания, связанные с эпидемией, требовали от всех домовладельцев убить своих питомцев, чтобы замедлить распространение болезни. Я обязан был убить Бриджит. Можно подумать, я мог хотя бы помыслить о таком! Однако это значило, что я должен был всё время держать голубку взаперти и следить, чтобы никто не услышал её воркование. Именно поэтому я так и не удосужился починить голубятню – просто оставлял её открытой на случай, если выжившим птицам потребуется укрытие на ночь. Сейчас тут была одна малиновка, искавшая еду среди брошенных гнёзд. Она улетела, когда мы вошли внутрь.

Я посадил голубку на пол.

– Ну, давай, Бриджит.

– Что ты делаешь? – спросил Том.

– Изучаю наших птиц.

Бриджит клюнула мой ботинок. Я отпихнул её в сторону.

– Давай, Бриджит. Найди сокровище мастера Бенедикта.

Том посмотрел на меня как на сумасшедшего. Бриджит же, со своей стороны, сделала то, что обычно делает голубь. То есть, в общем, ничего. Том неловко пошевелился, когда у меня покраснели щёки. Эта была не лучшая из моих идей.

– Может, просто поищем сами? – предложил Том.

Так мы и сделали. Мы обыскали брошенную голубятню сверху донизу. Перевернули гнёзда, вытащили сосновые доски и заглянули за перекладки, которые всё это скрепляли.

– Здесь ничего нет, – разочарованно сказал я.

– По крайней мере, мы знаем, что сокровище в доме, – утешил меня Том. – Давай сходим на рынок, а потом продолжим. Может, по пути тебе в голову придёт идея.

Я полагал, что Тому просто нестерпимо купить еды. Однако он был прав: здесь и сейчас я не мог придумать ничего толкового.

Королевская биржа внушала уныние.

Рынок когда-то был одним из моих любимых мест. Прежде, приходя сюда со своим учителем, я с упоением рассматривал бесконечное разнообразие выставленных товаров: переливающиеся всеми цветами радуги шелка из Китая, цветочные духи из Аравии, сладко пахнущие жареные кофейные зёрна из Нового Света. Крики торговцев эхом отдавались в галереях, а покупатели рассматривали вещи на прилавках, торговались с продавцами или сидели, отдыхая – с вином и свежей выпечкой – и общаясь со случайно встреченными приятелями.

Теперь всё изменилось. Большинство ларьков стояли закрытые, потому что торговцы бежали из города, а другие не спешили приезжать. Посетителей стало несравненно меньше, атмосфера была тихой и пугающей. Люди метались от лотка к лотку, молча покупая лишь то, что им нужно. Получая сдачу, они кидали монеты в миски с уксусом, надеясь, что кислота уничтожит заразу.

Мы с Томом осторожно пробирались между прилавками, стараясь как можно меньше сталкиваться с другими покупателями. Мы выбирали лишь самую дешёвую еду, складывая её в прихваченную из мастерской тележку, и старались дышать пореже – и не только потому, что воздух наполняли бактерии чумы. Вонь толпы была невыносимой. Не просто обычный запах человеческого тела, городских отходов и навоза. Считалось, что запахи помогают победить болезнь, и потому люди носили на себе, жевали и лили на себя любые ароматические вещества, какие могли раздобыть. Один человек благоухал уксусом – видимо, считая, что если уксус хорош для монет, то сойдёт и для него. Другой покупатель носил на шее гирлянду из гниющего лука. Его сопровождала женщина, набившая за щёки столько чеснока и руты, что походила на белку.

Том прикрыл нос рукавом.

– Если бы я хотел проблеваться, то просто сунул бы голову в Темзу. Ты это видел? – Он кивнул на ещё одного мужчину, обмотавшего голову тканью. В углублении на вершине импровизированного тюрбана стояла жаровня с древесным углём, окружая его голову клубами дыма.

– Вот клиент для твоей курилницы.

Я не отвечал, пока мы не отошли в менее вонючее место, где рынок обдувал горячий ветер. В итоге мы почувствовали новый запах, который оказался гораздо более мучительным. Женщина в мясницком фартуке кричала из-за прилавка:

– Свинина! Жареная свинина! Свежая! Из деревни!

Том схватил меня за руку и застонал:

– Мясо! Я уже не помню, когда последний раз видел мясо.

Мой желудок заворчал, как сердитый лев. Я схватился за оставшуюся часть монет Исаака. Лучше даже не смотреть. Мы не могли позволить себе тратить деньги на роскошь. Но этот запах... Том печально взирал на мясные запасы, когда мы, толкая тележку, прошли мимо.

– Ох... ты только представь, Кристофер. Свежие хрустящие маринованные рёбрышки... отбивные под соусом...

Я остановился у прилавка мельника, чтобы прикупить муки. Том продолжал живописать прелести свинины, а когда они закончились, перешёл на других животных.

– Жареная говядина... фазан... тушёный агнёнок с этими крохотными морковочками...

– Хватит, Том, – прервал его я.

– Бараньи колбаски... отбивные под соусом...

– Про них ты уже говорил.

У Тома задрожала нижняя губа.

– Могу поспорить: королю подают отбивные под соусом в любое время, когда он только захочет.

Я прижал пальцы к вискам.

– Я не могу больше это слушать.

Скорбные воспоминания Тома о мясе ещё сильнее испортили мне настроение. Мы покупали только самые простые продукты – в основном муку: её было много, и она стоила дешево. Немного овса и крупы, твёрдый солёный сыр, яйца и масло. Новый бочонок эля. Глыбу льда, чтобы пополнить запас в леднике. И шесть десятков морковок, которую мне удалось найти за сушие гроши.

Каждая покупка напоминала мне, что эти скромные продукты – всё, что стоит между мной и голодом.

Толкая тележку, я не мог отделаться от мысли, что за мной кто-то наблюдает. Краем глаза я уловил движение за прилавком торговца пшеницей. Я резко повернулся. Человек метнулся прочь. Я заметил зелёное платье и вихрь каштановых волос, а потом фигура исчезла в глубине рынка.

– Ты это видел? – спросил я.

– Видел что?

– По-моему, какая-то девушка ходит за нами.

Том оглядел толпу.

– Воришка?

Я не был уверен. Но мог поклясться, что уже видел её.

– Она следила за нами всю дорогу сюда, пока мы шли по улице.

Том крепче стиснул тележку, а я обзирал биржу в поисках девчонок, промышляющих карманными кражами. Но карманники были не единственными ворами на рынке. Среди этого страха, охватившего город, в двойных галереях здания биржи возникло новое поколение торговцев, продающих уникальный товар – лекарство от чумы. Было известно, что рынки, увы, полны этих мошенников. И хотя ни одно из этих лекарств не действовало, бессовестные торговцы продолжали предлагать их – с удивительной наглостью. А отчаявшиеся люди продолжали – увы! – их покупать.

Один шарлатан, похоже, собрал толпу побольше, чем его конкуренты. Он стоял на ящике, сжимая медную коробку.

– Вот секрет! – кричал он. – Секрет, который спасёт вас, вашу семью, ваших детей!.. Да, сэр, вы мудро поступили. Семья скажет вам спасибо.

Торговец перебил сам себя, когда стоявший впереди крупный мужчина бросил в миску с уксусом серебряную крону, что равнялось пяти шиллингам. Продавец вынул из коробки какие-то травы, завернул их в бумагу и протянул покупателю, а потом снова обратился к толпе.

– Это не что иное, как «Дыхание святого Стефана». Особая смесь трав, в которой нет ни одного языческого яда из чужих земель, вроде тех, какими торгуют аптекари. Целительная сила «Дыхания святого Стефана» исходит только от холмов Англии. Оно благословлено милостью Господа нашего.

– Лжец.

– Что?..

Удивлённый шарлатан замер, когда через толпу к нему протолкнулся мужчина. Он был высоким и широкоплечим, с длинными светлыми волосами – не париком, а настоящими волосами, волнами спадавшими на плечи. На нём были куртка и бриджи, испещрённые разноцветными пятнами. Я знал, откуда берутся такие пятна. Мой учитель и я сами перепортили за эти годы немало одежды. Тёмные следы угля на воротах, капли засохшей крови на манжете, липкая медовая патока, размазанная по штанам на бедрах. Этот человек был аптекарем. И он с презрением смотрел на шарлатана.

Торговец улыбнулся.

– Лжец, говорите? Но у меня есть доказательства, сэр. Смотрите же на магию «Дыхания святого Стефана»!

Он простёр руку. Из-за его спины вышел маленький мальчик и встал на ящике.

– Всего три дня назад, – сказал шарлатан, – этот мальчик был болен. Он бредил. Он уже стоял у Жемчужных ворот рядом с Петром. Но я дал ему «Дыхание святого Стефана». И смотрите! Никаких следов чумы!

Аптекарь фыркнул:

– Чушь.

– У вас нет глаз, сэр? Вот же он! Полностью выздоровел.

Аптекарь повернулся лицом к толпе.

– Кто-нибудь видел этого мальчика с сыпью? С пустулами? Кто-нибудь вообще видел его больным?

Шарлатан покраснел. В толпе заворчали. Но другие встали на защиту торговца.

– Надо думать, у тебя есть своё лекарство? – сказал аптекарь здоровяк, всё ещё держащий в руке свёрток с травами шарлатана.

– Да.

Шарлатан усмехнулся.

– Ага! Ну вот мы и добрались до правды. Он продаёт собственное лекарство и, как все аптекари, уж конечно, сдерёт с вас десять фунтов за флакон! Добрые люди, всего лишь за одну крону вы можете приобрести «Дыхание святого...»

– Нисколько.

Толпа оглянулась на аптекаря.

– Моё лечение ничего не стоит, – сказал он.

Торговец побагровел.

– Даром? – недоверчиво спросил он. – Что за игры такие?

– Я не из тех, кто проделывает трюки. – Аптекарь снова обратился к толпе. – Говорю вам правду: моё лечение ничего не будет вам стоить. Я не возьму ни единой монеты у вас и ваших семей. Богатые получают лекарства, а бедные умирают от боли. Но все: и богатые, и бедные – заслуживают спасения. Я предлагаю своё лекарство лорд-мэру и магистратам Лондона, – продолжал он. – И я не позволю им взимать с вас плату. Просто зайдите в ратушу и попросите магистратов одобрить изготовление лекарства Галена Виддоусона.

Том удивлённо посмотрел на меня:

– Ты знаешь этого человека?

Я не знал. Я, конечно, слышал имя от своего учителя – Гален из Пергама, живший в Древней Греции, был величайшим врачом в истории. Но я не мог вспомнить, чтобы мастер Бенедикт упоминал аптекаря с таким же именем. Тем не менее этот человек произвёл на меня большое впечатление. Его спокойная уверенность и его презрение к тем, кто обманывал отчаявшихся, напоминали мне о мастере Бенедикте.

Возражения Галена, похоже, нашли отклик. Гул толпы становился всё громче, слышались крики: «Мошенник!» Защитники шарлатана тоже не остались в стороне, и закипел спор. Кого-то толкнули, кто-то толкнул в ответ. Тому не нравилось, как изменилось настроение толпы. Он дёрнул меня за рукав.

– Пойдём отсюда.

Шарлатан выглядел вконец разъярённым. Он снял с пояса дубинку и указал ею на Галена.

– Убирайся.

– А ты продолжишь воровать у этих людей? – поинтересовался аптекарь. – Я уж скорее возьму палку. – Он обернулся к здоровяку. – Его лекарство – фальшивка, и я могу это доказать. Потому что я знаю, что это такое на самом деле.

Он выхватил свёрток из рук мужчины.

– Эй! – крикнул тот, но Гален уже разорвал бумагу, и ему на ладонь высыпались сушёные травы.

Здоровяк схватил Галена за ворот и сжал кулак. Гален сунул травы ему под нос.

– Это чай.

Мужчина воззрился на травы.

– С холмов Англии, значит? – спросил Гален. – Благословлены Господом? Это чай с Востока, стоит от полпенни до двух пенсов за унцию.

Все уставились на шарлатана. Тот побледнел, у него на лбу выступили капельки пота. Затравленный взгляд метался от одного лица к другому.

– Это... это не... Ах ты!..

Внезапно он набросился на Галена. Дубинка ударила аптекаря в висок, и тот рухнул под ноги толпы. Слишком поздно.

– Ты обманул мою семью? – взревел здоровяк и замахнулся на шарлатана. Торговец отшатнулся, швырнув в нападавшего медную коробку. Травы внутри – чай с Востока, от полпенни до двух пенсов за унцию – рассыпались в толпе. Некоторые в отчаянии хватали его, не желая верить, что это не лекарство. Другие тянулись к шарлатану, чтобы его схватить. Остальные пошли за его запасом, завязанным в мешковину рядом с ящиком. Мешок разорвали, травы разлетелись во все стороны. А потом началась свалка.

Глава 5

Хаос.

Люди хватали рассыпавшийся чай, орали и размахивали кулаками, сражаясь за свою долю. Каждый удар втягивал в драку нового бойца, и свалка начала распространяться, мало-помалу захватывая рынок. Торговцы поспешно прятали свои товары за прилавки: пока одни дрались, другие убегали, по пути прихватывая всё, что плохо лежало. А мы стояли в самом центре всего этого безумия.

Том испуганно отступил, прижавшись ко мне. Я на миг ощутил укол ужаса и тут же почувствовал, как трясется моя тележка. Я обернулся. Позади женщина вытаскивала из нее мешок с мукой.

– Эй!

Я потянулся к ней, но она вывернулась из моих пальцев, толкнув тележку. Корзинка с яйцами опрокинулась, и два из них упали, разбившись о камни. Я схватил оставшиеся драгоценные яйца, в спешке раздавив ещё одно. Желток вытек, запачкав мне рукав.

– Том! Помоги!

Том встревоженно обернулся на мой крик и обнял наши продукты, прикрывая их собой. Он кивнул в сторону узкого прохода в западной галерее, между двумя закрытыми лавками.

– Туда.

Я толкал тележку, стараясь не растерять оставшиеся яйца. Том бежал рядом, осматривая толпу на предмет новых угроз. Мы почти добрались до галереи, когда колесо тележки попало в выбоину. Мешок – мой овёс! – свалился. Люди кинулись к нему, протягивая руки. Том перепрыгнул через тележку и всем своим весом врезался в потенциальных воров. Он схватился за мешок, отбирая его. Мешковина разорвалась, и добрая треть овса высыпалась. Том прижал к себе оставшуюся часть и отступил, пальцами сгребая овёс с камня. Я хотел помочь ему, но не мог. Если я только отвернусь от тележки, с неё сметут всё. Так что я просто продолжал проталкиваться вперёд, пока не оказался в защищённом проходе.

Точнее, я так думал.

Я остановил тележку. Посреди прохода двое мужчин нависли над маленькой фигуркой, лежавшей на земле. Девушка с каштановыми кудрями, в зелёном шерстяном платье. Один из мужчин ударил её по ребрам. Она свернулась клубком, пытаясь защититься. Мужчина снова пнул её. Второй склонился над девушкой, задирая её платье и ощупывая её. Она вцепилась ногтями ему в щёки. Мужчина отмахнулся от неё и утихомирил девушку ударом в челюсть. Он перевернул её, надеясь найти мешочек для денег.

– У неё ничего нет, – заключил он.

Его спутник плюнул на девушку и ещё раз от души пнул ногой.

И тут увидел меня. Схватив приятеля за ворот, он вздёрнул его на ноги. Они смотрели на меня, на мою тележку, на мою еду. Тот, что лапал девушку, вынул нож. У меня замерло сердце. При мне тоже был нож, но я бы не выиграл бой ни с одним из них. «Я потеряю всё», – подумал я в отчаянии, но тут же понял, что у меня за спиной кто-то стоит.

Мужчины смотрели мне через плечо. Они притормозили, вздрогнули и бросились прочь из прохода, к дневному свету. Том хлопнул меня по спине и положил мешок с овсом обратно в тележку. Рубашка у Тома была порвана, а щека расцарапана. К счастью, воров больше заботили габариты Тома, чем страх в его глазах. Мне хотелось обнять его. Но сейчас первым делом следовало решить, как быть дальше.

Мужчины бросили девушку, и она лежала на земле, лицом вниз, постанывая от боли. Мы с Томом обменялись взглядами. На один короткий миг в глазах друг друга мы прочли одно и

то же решение: бежать. Судя по лицу Тома, ему было так же стыдно, как и мне. Тем не менее нам следовало соблюдать осторожность.

Мы с Томом подтолкнули тележку вперёд, остановившись в шести футах от девушки – мы не осмеливались подойти ближе, не осмотрев её кожу. Я узнал платье и выющиеся волосы. Та самая девчонка, что следила за нами.

– С тобой всё в порядке? – спросил я.

Девушка пыталась подняться, но не могла. Она подползла к краю прохода и привалилась к стене, волосы упали ей на лицо. Я впился взглядом в её шею, но не увидел никаких пустул, красных пятен и отметин. Девушка тяжело дышала, и у неё явно болел живот, но это объяснялось побоями. Я был почти уверен, что она не больна. Немного успокоившись, я присел рядом с ней. Девушка попыталась выпрямиться, но тут же сдалась и облокотилась на стену. Волосы соскользнули с лица. Она была миниатюрной, и я полагал, что она совсем ребёнок, но теперь увидел, что девушка старше, чем мне показалось вначале – лет двенадцати или тринадцати, пожалуй. У неё были большие зелёные глаза и слегка вздёрнутый носик, припорошенный пылью веснушек. Теперь, рассмотрев девушку как следует, я изумился.

Я знал её.

Глава 6

– Салли? – спросил я.

Салли из Криплгейтского приюта – того же, в котором рос я, пока мастер Бенедикт не дал мне кров. Поскольку воспитатели в Криплгейте размещали девочек отдельно от мальчиков, я толком не знал её. Но я помогал сёстрам милосердия ухаживать за Салли однажды зимой, когда она болела лихорадкой. А потом встретил снова – несколько месяцев назад, в День королевского дуба; в тот раз она помогла мне отомстить врагу моего учителя.

Салли одарила меня кривой улыбкой. Зубы у неё были в крови.

– Привет, Кристофер.

Том в тревоге отступил, но кровотечение не было знаком болезни – только побоев.

– Отведём её домой, – сказал я.

Видя мою уверенность, Том наклонился, чтобы поднять девушку. Она сплюнула кровь.

– Я могу идти.

Салли снова попыталась встать. Ей почти удалось подняться на ноги, но тут же взгляд помутнел, колени подогнулись, и Салли упала, ударившись щекой о стену.

– Ох, – сказала она и на сей раз не протестовала, когда Том подхватил её на руки.

Он поднял девушку так же легко, как спасённый мешок с овсом. Салли была на полфута ниже меня и наполовину худее и весила, вероятно, немногим больше этого мешка.

Со всей возможной скоростью мы устремились домой. Салли вздрагивала и постанывала при каждом шаге Тома, но прямо сейчас мы ничего не могли поделать, чтобы облегчить её боль. Учитывая драку, нам нужно было как можно быстрее оставить здание Королевской биржи позади.

Том принёс Салли в аптеку. Я вытащил из-под прилавка свой тюфяк – соломенный матрас, служивший мне постелью, – и перенёс его поближе к камину. Том уложил Салли, а потом вернулся на улицу и занёс в дом наши продукты.

Я взял хлопковый лоскут и вытер кровь возле рта Салли. В свете камина я увидел растущий кровоподтёк на щеке – там, куда грабитель ударил её. Хотя от камина было дымно, она не кашляла, и я решил, что с легкими всё в порядке. Но то, как она вздрогнула, неловко повернувшись, навело меня на мысль о внутреннем кровотечении, и я забеспокоился. Нужно было осмотреть её. Но в первую очередь дать что-то от боли.

– Можешь подать мне мак? – попросил я Тома.

Он оглядел полки.

– Э...

– В углу, вторая полка сверху. Рядом с большим коричневым кувшином со спиртом.

Я взял медную кастрюлю, зачерпнул из бочки воды и поставил на огонь кипятиться. Когда вода забурилась, я взял аптечную банку, принесённую Томом, и...

– Это не мак.

В банке должна была лежать маковая соломка – нарезанные и высушенные семенные коробочки и стебли. А эта была наполнена густым сиропом с сильным запахом трав.

– Это венецианская патока.

– Извини. – Том забрал у меня банку. – Я думал, ты сказал, что она рядом со спиртом.

– Ну да. Прямо возле...

Я повернулся, чтобы показать ему банку, и увидел, что ошибся. Мак стоял ниже.

– Вон он.

Нахмурившись, я ткнул пальцем. Том принёс нужную банку. А я в замешательстве посмотрел на полку, но тут Салли застонала, и я, спохватившись, вернулся к ней.

Я щедро набрал ложкой смесь, бросил в воду, размешал и немного подсластил мёдом. Потом протянул Салли, и та сделала большой глоток, хотя смесь была ещё горячей. Я подождал несколько минут, чтобы настой начал действовать, а затем опустился на колени возле тюфяка.

– Зачем ты следила за нами? – спросил я.

– Увидела тебя на улице.

– И почему просто не подошла поздороваться?

– Хотела дожидаться, когда ты придёшь вместе с учителем.

Полагаю, ей неоткуда было знать, что мастер Бенедикт погиб. Я собирался спросить Салли, зачем ей зандобился мой учитель, но тут девушка вздрогнула и поморщилась.

– Нужно осмотреть твои рёбра, – сказал я.

Салли глубоко вздохнула, успокаиваясь, потом допила остатки маковой настойки и растегнула пуговицы на платье. Прикрывая грудь, она стянула шерстяной лиф и отвернулась, сплёвывая кровь в тряпку.

Увидев Салли, Том втянул воздух. На бледной коже девушки отпечатались след ботинка и ещё множество других следов – там, куда грабитель пинал её. Отпечаток был таким глубоким, что оставалось только удивляться, как этот удар не переломил девушку пополам. Том удручённо покачал головой.

– Этот город становится хуже с каждым днём.

Не поспоришь. Как бы ни отвратительна была драка на рынке, такие вещи происходили сейчас сплошь и рядом. Одним из худших последствий чумы было то, что болезнь обратила нас против нас самих. Люди перестали доверять друг другу. С тем же успехом мы могли бы жить рядом с чужаками. Впрочем, Салли жила в Криплгейте, где о доверии никогда и слыхом не слыхивали.

– Что ты там делала? – спросил я. – Я думал, из-за чумы воспитатели запрут вас в приюте.

– Он закрылся, – отозвалась Салли. – Человек-птица сказал нам, что мы все умрём.

– Кто?

– Пророк.

Из-за маковой настойки глаза её казались немного стеклянными.

– Он приходил к нам, – объяснила она.

– Я о нём слышал, – сказал я.

Том недоумённо посмотрел на меня, и я прибавил:

– От Исаака. Он говорил, что в Лондоне есть пророк, который может предсказать ход чумы.

– Может, – подтвердила Салли, и глаза Тома расширились. – Он предупредил нас, что мы можем заболеть. Воспитатели давали нам всякие лекарства, но человек-птица сказал, что лекарства не остановят того, что грядёт. Так и было. В тот же день трое заболели.

– И что с ними случилось?

– Их отправили в чумной барак к северу от Бишопстейта.

Чумной барак представлял собой ветхий сарай, где лежали некоторые больные. Я вздрогнул, подумав о детях, которых там умирали.

Веки Салли потяжелели.

– Воспитатели хотели запереть нас в приюте, но человек-птица сказал, что тогда заболеет ещё больше. Поэтому они закрыли Криплгейт и перевезли здоровых в церковь Святого Марка в Уэмбли.

– А ты не поехала?

– Меня не взяли. Я уже слишком большая.

Опустевшая кружка из-под маковой настойки едва не выпала из её пальцев.

– Вот потому-то я и пошла за тобой. Помню, ты говорил, что учишься у аптекаря Бенедикта Блэкторна. Я и подумала: может, ему понадобится горничная... – Салли перевела взгляд на Тома. – А ты и вправду здоровяк.

Том смущённо глянул на меня.

– Это мак действует, – тихо сказал я. – От него путаются мысли.

Я вновь обернулся к Салли:

– Мне надо осмотреть твой живот.

– Ладно.

Она принялась напевать себе под нос какую-то неведомую мелодию, а я ощупал её живот и спину. Когда я добрался до ребер, девушка вскрикнула.

– Прости.

Я снова надавил, и она, скуля, уткнулась лицом в солому. К счастью, ничего не двигалось внутри – там, где не должно было.

– Похоже, ничего не сломано, – сказал я. И это само по себе было чудом. – Но у тебя сильный ушиб рёбер.

– Не хочу. – Её слова звучали все неразборчивее. – Может, мне их продать? – Она хихикнула.

– Подержи её, – велел я Тому.

Том обхватил Салли, и она уставилась на него рассеянным взглядом, вновь принявшись напевать.

Я плотно обернул её грудь и живот полосой льняной ткани, предварительно намазав её маслом окопника, которое должно было помочь подлатать кости и внутренности. Салли была исцарапана, так что я смазал ссадины смесью мёда и чеснока. Она глянула на янтарную жижу на своей коже.

– Теперь я стала липкой булочкой.

Её пение стихло, голова опустилась на плечо Тома.

– Спок ночи, мистер Здоровяк, – сказала она и отключилась.

Том положил девушку обратно на тюфяк.

– Что теперь с ней будет? – спросил он.

Я задавался тем же вопросом. Раны Салли, хотя и болезненные, оказались не такими серьёзными, как я опасался. Вероятно, через неделю она поправится. Но у неё была большая проблема. Изгнание из Криплгейта означало, что она останется на улице, если не найдёт работу – а это было, считай, невозможно. Те немногие богачи, которые остались в городе, не брали новых слуг. И даже если бы работа нашлась, ей пришлось бы сражаться за неё с десятками тысяч других безработных девушек.

– Пусть останется здесь на несколько дней, – сказал я. – Ей в любом случае надо немного отдохнуть.

А вот что потом, я, честно говоря, не знал. Мне претила мысль просто выгнать Салли, но купленной на рынке еды не так много, чтобы кормить лишний рот. Я начинал думать, что стоило принять приглашение Исаака и отправиться в хранилище...

Если бы только удалось найти сокровище мастера Бенедикта! Нужно ещё раз попытаться расшифровать послание.

Я пошёл убрать банки, которые принёс мне Том. Поднявшись на низкую лесенку, чтобы поставить их на места, я глянул на полки и снова нахмурился.

– Это ты здесь играл? – спросил я у Тома.

– Нет.

– Тогда почему все банки переставлены?

Теперь я видел, что не только мак был не на месте. Еще несколько банок тоже передвинулись.

Книги и записи мастера Бенедикта, возможно, и пребывали в беспорядке, но в лавке он всегда поддерживал идеальный порядок. И приучил меня к тому же. Пусть наши клиенты разбежались, а его уже не было в живых, но я всё равно продолжал это делать. Однако сейчас всё было неправильно. Даже этикетки не выровнены должным образом.

– Если ты тут рылся, ничего страшного, – сказал я.

– Я не стал бы трогать твои вещи без спросу, – отозвался Том. – Тем более я понятия не имею, что это.

Разумеется, я ему верил. Но тогда почему банки перепутаны? Я спрыгнул с лесенки и обвёл взглядом лавку.

– В чём дело? – спросил Том.

Я перешёл в мастерскую. Здесь я не стремился поддерживать порядок, и учитывая, что я то и дело проводил эксперименты, положение предметов менялось – особенно на верстаках. Но вот на полках всё всегда было идеально. Я осмотрел и эти банки. И сердце оглушительно забилося.

Том встревоженно смотрел на меня из дверного проёма.

– Что случилось?

– Ингредиенты стоят не так, как я их оставил.

– И что это значит?

– Это значит, что здесь кто-то был. – Сердце колотилось как бешеное. – Кто-то проник в мою аптеку.

Глава 7

Том судорожно сглотнул.

– Ты... ты уверен?

Хотелось бы мне ошибиться. Но почему иначе мои вещи оказались переставлены?

– Ты мог сделать это сам, – сказал Том. – Нечаянно.

– Я протирал пыль в лавке сегодня утром, – ответил я. – Все было на своих местах.

Тот, кто пробрался сюда, очевидно сделал это, когда мы были на рынке. Том встревожился не меньше моего.

– Что они украли? – спросил он.

Это было самое странное. Я осмотрел все банки, но, кто бы ни был в моём доме, похоже, он ничего не взял. Лекарства, стоявшие на полках, стоили целое состояние. Да и книги, тоже весьма ценные, оказались не тронуты. Даже денежный ящик стоял на своём месте под прилавком.

– Но если они не собирались ничего красть, – сказал Том, – то зачем сюда залезли?

Я вспомнил о культе Архангела. Три месяца назад они тоже проникли в лавку, но не пытались украсть ни деньги, ни ингредиенты. Они искали нечто конкретное. Спрятанное. У меня сжалось горло.

– О нет!

– Что? – сказал Том.

– Сокровище. Сокровище мастера Бенедикта. Если кто-то украл его...

– погоди минутку. Как кто-то мог украсть сокровище мастера Бенедикта? Даже ты не знаешь, где оно. И Исаак не знает. Пока он не пришёл сюда, ты вообще понятия не имел, что сокровище существует.

Я ахнул.

– Письмо!

Письмо мастера Бенедикта! Я схватился за голову. Я оставил бумажку развёрнутой на верстаке в мастерской.

– Я даже обвёл для них секретное сообщение, – прибавил я в отчаянии.

Том не желал верить, что какой-то вор успешно разгадал загадку, которая оказалась мне не по зубам. Он даже сомневался насчёт взлома.

– Но банки были сдвинуты! – настаивал я.

Том поморщился.

– Ты только что узнал о сокровище мастера Бенедикта – и сразу же кто-то явился его украсть? Откуда они вообще могли знать, что оно здесь?

– Те люди... – сказал я.

– Какие люди?

– Сегодня в лавке. Этот нищий – Майлз Гаспар. Или двое других.

– И что с ними?

Я подошёл и указал на прилавок.

– Они были возле двери в мастерскую, когда я разговаривал там с Исааком. Те двое всё время стояли прямо здесь.

– Дверь же была закрыта, – сказал Том.

– И что? Я тебя слышал. Ты обращал внимание на эту парочку?

– Да. Ну... вроде того. Я разговаривал с ними, когда пришел Майлз.

Я вспомнил спор. Венецианская патока. Те двое сказали, что хозяин послал их за венецианской патокой. А она как раз была в одной из передвинутых банок. Я снял её с полки.

Но повторная проверка не показала ничего нового. Патоки там было ровно столько, сколько нужно. Её не украли.

– Ну вот видишь, – сказал Том. – Если бы это были они, то взяли бы патоку.

– Тогда, наверное, это Майлз Гаспар. А я дал ему нашу еду...

Том покачал головой.

– Он никак не мог слышать ваш разговор. Он и близко не подходил к двери.

– Тогда надо выяснить, кто здесь был.

– И у кого ты об этом спросишь? У Бриджит?

Голубка выглянула из-за камина и заворковала.

– Нет. – Я ткнул большим пальцем в сторону окна. – Мы спросим одного человека, который всегда следит за лавкой.

На другой стороне улицы, в одном из окон трактира «Отрезанный палец» маячила высокая девушка лет семнадцати. Дороти, дочка трактирщика. Она вязала, откинувшись на спинку стула и положив ноги на подоконник. Увидев мой жест, она улыбнулась и махнула рукой. Том слегка покраснел.

– О. Хорошо. Хм... Я тут подожду.

– Почему?

– Ну... э-э... Салли! – внезапно сказал он.

Девушка спала на моём тюфяке. Она тихо дышала, и её грудь мерно поднималась и опускалась.

– Кто-то должен за ней присмотреть!

– Я дал ей много мака. Она не проснётся ещё несколько часов.

– Мне лучше остаться. – Том переминался с ноги на ногу. – Просто чтобы она была в безопасности.

Я нахмурился.

– Что происходит?

Щеки Тома ещё сильнее побагровели.

– Я не хочу идти в «Отрезанный палец».

– И почему же?

Том кивнул головой в сторону трактира. Дороти по-прежнему поглядывала в окно.

– Мне не нравится, как эта девушка на меня смотрит.

– А как она смотрит?

– Как будто она мясник, а я племенная корова.

Я прыснул.

– Даю слово, что тебе ничего не угрожает. Дороти безобидна.

– Она хочет, чтобы я познакомил её со своей семьёй!

– Ой, да брось, – отмахнулся я.

И всё же мне пришлось чуть ли не волоком тащить Тома через улицу.

«Отрезанный палец», как и прочие заведения в городе, потерял почти всех своих клиентов. До того как пришла болезнь, здесь было шумно и суетливо, как и на улицах. Мне всегда нравилось тепло этого места, поэтому иногда – в особых случаях – мастер Бенедикт приводил меня сюда поужинать. Дороти работала у своего отца подавальщицей и всегда приносила доброе слово вместе с миской горячего рагу. Но с приходом чумы работы у неё стало мало, и она проводила большую часть времени за вязанием, сидя у окна. Сегодня, как в большинство других дней, в зале почти никого не оказалось. Единственным посетителем был одинокий пьяница, который в полусне бормотал вульгарные песни в кресле у огня.

Дороти, казалось, была довольна, что мы пришли.

– Привет, Кристофер, – поприветствовала она меня, кинув взгляд на Тома.

Девушка выпрямилась на стуле и разгладила фартук, надетый поверх льняного платья цвета бирюзы. Том попытался спрятаться за мной, но, поскольку он был в два раза крупнее, это не вполне удалось.

Дороти одарила его самой лучезарной улыбкой, какую мне доводилось видеть.

– Как приятно, что ты заглянул, Томас.

Том покраснел.

– Привет, – сказал он.

– Я очень надеялась, что ты зайдёшь меня навестить.

Том заалел так, что показалось – он вот-вот загорится. Он пробормотал что-то в ответ. Возможно, он сказал: «Я был очень занят», хотя звучало более похоже на: «Спасите-помогите». Видимо, Том был прав: дочка трактирщика действительно положила на него глаз.

Во мне ещё бурлил гнев. Я злился на воров. И хотя всё это выглядело очень забавно, я был слишком расстроен, чтобы в полной мере насладиться действием.

Дороти, не переставая улыбаться, обернулась ко мне.

– А что это за девушку ты привёл к себе домой?

Я вкратце рассказал ей о Салли, а потом перешёл к сути дела:

– Кто-то проник в мою лавку.

Дороти замерла, не вывязав петлю. У неё приоткрылся рот.

– Когда?

– Пока я был на рынке. Ты же видела, как я уходил утром?

– Конечно.

– Кто-нибудь заходил внутрь?

– Да.

Я уставилась на неё.

– Кто?

– Какой-то мужчина. – Она пожала плечами. – Никогда раньше его не видела.

– Почему же ты не пришла и не рассказала, что ко мне кто-то вломился? – с изумлением спросил я.

Она смутилась:

– Но он не вломился, а вошёл.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что сказала. Ты ушёл. А через несколько минут тот человек вошёл в лавку.

– Но... дверь была заперта.

Дороти поджала губы.

– Знаешь, это было довольно странно. Мне казалось, я видела, как ты запираешь дверь. Но потом этот человек вошёл, и я решила, что Томас ещё внутри.

Ну конечно. Пока я запираю дверь, Том вывозил тележку через заднюю дверь. Поскольку Дороти не видела, что он уходит, она и не подумала, что здесь что-то не так. Однако оставался вопрос: как этот человек вошёл? Я кинулся обратно через улицу. Том побежал следом.

Дороти наблюдала за нами из окна. Мы стояли перед аптекой.

– Я уверен, что запер дверь, – сказал я.

– Может, с твоим ключом что-то не так? – предположил Том.

Делать было нечего, кроме как попробовать. Я повернул ключ. Он шёл туго, но я почувствовал, как сдвинулся язычок замка. Том толкнул дверь. Она не пошевелилась.

– Видишь? – сказал я. – Всё в порядке.

Том пошевелил дверную ручку.

– Тогда как он мог...

Щёлк!

Дверь открылась. Мы смотрели, как она покачивается на петлях.

– Что за...

Потом я заметил язычок замка. Он не вошёл до конца. Когда Том пошевелил ручку, он сдвинулся достаточно, чтобы выскользнуть из паза. Открыв дверь, я снова повернул ключ и на сей раз не почувствовал сопротивления – защёлка лязгнула, как и предполагалось.

– Кристофер... – Том опустился на колени возле дверного косяка и заглянул в паз. – Смотри.

Я увидел то же, что и он. Внутри лежал кусочек дерева, не позволяющий язычку замка полностью войти в паз. Том вынул нож и попытался выковырять деревяшку, но та засела плотно.

– Это не случайность, – сказал он. – Кто-то нарочно засунул его туда.

Я не мог поверить своим глазам. Кто-то потрудился над моей дверью. Я побежал к «Отрезанному пальцу».

– Мужчина, который вошёл в аптеку, – долго ли он там пробыл?

Дороти задумалась.

– Некоторое время... Может, час? Точно не скажу.

Час.

– У него было что-нибудь при себе, когда он уходил?

Она прикрыла глаза, пытаясь вспомнить.

– Я ничего не видела. Он остановился в дверном проёме, на мгновение ткнул в дверную раму.

– В раму?

– Там, где стоит Томас. – Она указала туда, где Том пытался выковырять деревяшку из замка.

– В мою лавку зашли три человека, – сказал я, – сегодня утром.

Дороти покачала головой.

– Это не они, если ты об этом спрашиваешь. Тот человек был выше. И одет во всё синее. Синий камзол, синие бриджи, синие кожаные туфли.

Я напряг память, но не мог припомнить, чтобы в аптеку приходил кто-нибудь, одетый подобным образом. Но, конечно, в первую очередь меня интересовало его лицо.

– Я не рассмотрела, – сказала Дороти извиняющимся тоном. – У него был чёрный парик. И шарф. Синий, как и вся прочая одежда. И он всё время закрывал им лицо.

Многие люди носили у носа пропитанные духами платки, надеясь, что это защитит их от чумы. Но я сомневался, что вор держал у лица шарф по этой причине. Мужчина, чуть выше среднего, одетый в синее. Это не поможет. Разочарованный, я повернулся, намереваясь уйти.

– Погоди.

Я остановился.

– Была одна вещь, – сказала Дороти. – Когда тот человек вышел из лавки, он так сильно натянул шарф на лицо, что открылась грудь. И я увидела, что там что-то есть. Маленькая медная пуговица.

– На камзоле?

– Да. Вот здесь. – Она постучала себя по груди чуть выше сердца. – Я видела её только секунду. Он быстро её прикрыл, когда понял, что она видна.

Медная пуговица... У меня заколотилось сердце.

– Та пуговица, – сказал я, – может, она была бронзовая?

– Может быть.

Бронза. Маленькая бронзовая пуговица. Или медальон. Как тот, какие носили двое мужчин. Я кинулся обратно к аптеке. Том стоял на коленях у двери, посасывая окровавленный большой палец. Ему удалось вынуть деревяшку, но в процессе он поцарапался. Я передал ему рассказ Дороти:

– Это они! У вора был такой же медальон. Один из них, должно быть, испортил дверь, когда они пришли.

– Я ничего не заметил, – удручённо сказал Том. – Прости.

Я не винил его. Но был в ярости.

– Я никому не позволю у меня красть!

– Вроде бы Дороти сказала, что он ничего не унёс с собой.

– Он мог легко сунуть мешочек с монетами или что-то ещё за пазуху. Под шарфом она не заметила бы.

Том посмотрел на меня скептически.

– Монеты? Ты имеешь в виду сокровище мастера Бенедикта? Ты правда думаешь, что вор мог его найти?

– Не знаю, – растерянно протянул я. – Но что ещё он искал среди моих вещей целый час? Он не взял никаких лекарств или ингредиентов. Ни инструментов, ни книг. Если не считать сокровища, у меня больше ничего нет. Если вор пришёл не за ним, то почему вообще ко мне влез? Чего он хотел?

У Тома не было на это ответа. Зато имелся собственный вопрос:

– Даже если так, мы не знаем, кто этот человек. Так что мы можем сделать?

– Те люди сказали, что служат какому-то господину, – ответил я. – И у них были такие же бронзовые медальоны, что и у вора. Если мы выясним, что это за медальон, возможно, сумеем понять, кто здесь был.

И я знал одного человека, который мог нам помочь.

Глава 8

Том зашатался и остановился. Присел, уперевшись руками в колени, тяжело дыша.

– Нам правда... нужно бежать... всю дорогу?

– Я не хочу... его... упустить, – ответил я, тоже с трудом переводя дыхание.

Впрочем, мы, похоже, успели вовремя. Каменные стены лондонского Тауэра возвышались над нами, его квадратные башни стояли на страже города. Флаги и знамёна с королевским гербом развевались на сторожевых башнях – маячки яркого цвета в этом мире, посеревшем от болезни.

У ворот стояли четыре лошади. Трое солдат в накидках с королевским гербом таскали узлы и грузили их на спины животных.

Мы приблизились к воротам. Рядом стоял человек, наблюдавший за работой солдат. Он был одет в чёрный атлас и носил на поясе тяжёлый боевой палаш и пистолет с инкрустированной жемчугом рукоятью. Его левый глаз был закрыт повязкой. И с левой стороны лицо – от носа до шеи – покрывали искривлённые шрамы. А вдобавок к тому виднелся свежий, ещё не заживший, красный рубец. Он тянулся от середины лба, проходил под повязкой на глазу и заканчивался в углу рта, так что губа кривилась в жутковатом оскале.

Рана осталась после удара, который убил бы большинство людей на месте. Я знал это, потому что видел тот удар топором...

Это был лорд Ричард Эшкомб, доверенное лицо короля. Его внушающая страх внешность и столь же внушающая страх репутация скрывали благородное сердце, бесконечно верное нашему королю. После истории с культом Архангела он стал мне полезным другом. Хотя следовало признать: лорд Эшкомб по-прежнему неизменно внушал тревогу.

Он заметил нас, когда мы приблизились. Лорд Эшкомб сказал несколько слов ближайшему солдату и подошёл, держа в руке пачку бумаг. Впрочем, он остановился на приличном от нас расстоянии.

– Мальчики. – Его голос дрогнул. Ещё резче проступил шрам, изуродовавший его лицо. – Хорошо, что вы не умерли.

Я не мог с этим не согласиться.

– А... э-э... здоров ли король, милорд?

– Да, но очень тревожится за свой народ. Как ты узнал, что я в Лондоне?

– Мне сказал мастер Исаак.

Лорд Эшкомб хмыкнул.

– Я приехал, чтобы забрать некоторые отчеты о войне с голландцами, – он помахал бумагами, – и мне нужно немедленно вернуться к его величеству.

Солдаты подвели его лошадь.

– Вы пришли просто поздороваться или вам что-то нужно?

Я рассказал ему о взломе в аптеке Блэкторна. Лорд Эшкомб слушал, положив руку на седло. Услышав о куске дерева, подсунутом в паз для защёлки, он поднял бровь.

– Смело... – произнёс он.

Лично я полагал, что это трусливо, о чём ему и сообщил. Но лорд Эшкомб покачал головой.

– Кто бы из тех двоих ни испортил твою дверь, он рисковал. Его могли увидеть за этим занятием. Тогда есть шанс, что этого человека поймут во время кражи или вспомнят о нём, если планы воров будут раскрыты. Было бы намного легче разбить окно ночью. – Его глаза сузились. – Конечно, тогда остались бы следы.

– Милорд?

– Сам подумай. Если бы вор не перепутал твои аптечные банки, о нём бы вообще не узнали. Вы поняли, что он там был лишь потому, что он не смог вытащить деревяшку из замка, поскольку девушка наблюдала за ним. Здесь произошло нечто большее, чем обычная кража. Тому вору было важно скрыть, что он вообще там был.

Я понял, что лорд Эшкомб прав. Если бы мастер Бенедикт не был так педантичен, расставляя банки, я даже и не узнал бы, что вор приходил в аптеку. Тем более на первый взгляд он вообще ничего не взял.

– Вот это самое любопытное. Зачем подвергать себя риску, если не собираешься ничего красть?

Лорд Эшкомб послал мне острый взгляд.

Я покраснел. Королевский эмиссар всегда так смотрел, когда я лгал. Ясное дело: я не хотел никому рассказывать о сокровище мастера Бенедикта, но в этом случае не было особой причины его скрывать. Я знал, что лорду Эшкомбу можно довериться. И мне нужна была его помощь. Я сказал тихим голосом, чтобы не услышали люди поблизости:

– Мастер Бенедикт тайно оставил мне кое-что. Я думаю, вор мог искать именно это.

Вот теперь лорд Эшкомб действительно заинтересовался. И я знал почему. Он так и не нашёл рецепт «Огня Архангела», который я спрятал. А он очень хотел его отыскать.

– Дело не в этом, – быстро сказал я. – Мастер Бенедикт никогда бы не хранил тот рецепт в доме.

– Но «сокровище» может быть чем-то вроде того рецепта, – настаивал лорд Эшкомб. – Служанка сказала, что не видела, унёс ли тот человек что-нибудь. Но если это был рецепт – пергамент, – вор легко мог спрятать его в одежде.

Это даже не приходило мне в голову. Но теперь я вспомнил слова Исаака. Он намекнул, что учитель оставил нечто особенное. То, что хотел отдать только мне. Мастер Бенедикт всегда скрывал свои лучшие рецепты за секретными шифрами, чтобы защитить их от других аптек – те из кожи вон вылезли бы, чтобы украсть его изобретения. Вот почему он научил меня шифровать и расшифровывать сообщения.

Для мастера Бенедикта секретный рецепт был подлинным сокровищем. Он сохранил свой самый ценный рецепт – «Огонь Архангела» – только для меня. И если это новое сокровище хоть сколь-нибудь напоминало «огонь», оно могло быть столь же удивительным... или столь же опасным. И стоить намного дороже золота.

Взгляд единственного чёрного глаза Эшкомба, казалось, прожигал меня насквозь.

– Расскажи мне всё, что знаешь об этих ворах.

Я описал всё, что мог, включая синюю одежду и медальон.

– На медальонах был символ. Круг с треугольником внутри и крестом.

Лорд Эшкомб покачал головой.

– Не знаю подобной эмблемы. Они упомянули своего хозяина. Было ли что-нибудь ещё на медальонах? Девиз? Знак различия или герб?

По краям были слова, но я не смог их прочесть. Я собирался сказать это, когда один из солдат заговорил:

– Вы сказали, что они бронзовые?

Мы обернулись. Солдат, державший поводья своего коня, стоял нахмурившись.

– Их медальоны. Они были бронзовые? И прямо над сердцем?.. О, простите, генерал, – спохватился он, поняв, что заговорил без позволения.

Лорд Эшкомб отмахнулся от его извинений.

– Говори, что ты знаешь.

– Не могу поклясться, что это то самое, – сказал солдат, но моя жена работает в ратуше, на кухне, так? И она говорит, что все шушукаются о каком-то пророке.

Я посмотрел на Тома. Снова этот пророк! Тот, кого Салли назвала человеком-птицей. Сегодня я слышал о нём уже в третий раз. А лорд Эшкомб, как выяснилось, в первый.

– Пророк?

Солдат кивнул.

– Знает, куда чума ударит в следующий раз и всё такое. Так вот, моя жена говорит, будто у него есть последователи, да? И они носят эти защитные амулеты. Маленькие бронзовые медалионы прямо на сердце. – Он постучал по своей кожаной накидке.

– Как зовут этого пророка?

Солдат поморщился.

– Простите генерал, я не так внимательно слушал. Я люблю свою Агнес, но она малость слишком болтлива.

Я вспомнил, что мне говорил Исаак чуть ранее. «Если действительно существует пророк, то это ужасный признак того, что высшие силы вновь заинтересовались нашим городом. И не нужно объяснять, насколько это опасно». Тот человек в магазине предупредил меня, что его хозяин будет не слишком доволен мной. Говорил ли он о человеке-птице? Возможно, я рассердил пророка?

Лорд Эшкомб очень хотел, чтобы мы разобрались в этом деле. Похоже, Тому идея пришла не слишком-то по душе. Да и я – хотя мне очень хотелось поймать воров – тоже был не уверен. Но я не мог придумать, что ещё предпринять.

– Ступайте в ратушу, – сказал нам лорд Эшкомб. – Поговорите с Уиллом Гонсоном. Это олдермен в округе Крукед-Лейн...

Солдат откашлялся.

– Э... снова простите, генерал, но Гонсон мёртв, сэр. Три недели болел...

Эмиссар короля выругался.

– Он ведь сражался с нами при Эдж-Хилле. Кто занял его место?

– Думаю, Мэйкотт.

– Принеси мне письменные принадлежности.

– Э... – промямлил солдат, оглядываясь по сторонам.

– У меня есть, милорд, – вступил я и задрал рубашку.

Под ней я носил пояс своего учителя, обмотанный вокруг талии. Он был обшит узкими кармашками, в большинстве из которых торчали закупоренные стеклянные флаконы с ингредиентами и лекарствами. Но было в поясе и несколько инструментов. Из одного кармана я вытащил короткое перо и пузырёк с чернилами. Выражение лорда Эшкомба на мгновение изменилось. Если бы я не знал его, то поклялся бы, что королевский эмиссар удивлён.

Он оторвал полосу от одной из своих бумаг и что-то нацарапал на ней, а потом протянул мне.

– Отнесите это магистрату Мэйкотту в ратушу. Расспросите его о любых кражах со взломом и узнайте, что сможете об этом пророке. Мэйкотт не мой подчинённый, поэтому я не могу обещать, что он поможет, но Мэйкотт весьма порядочный человек. И даже без моей печати опознает почерк. Однако держитесь подальше от его секретаря, Шинглтона. Это настоящий хорёк в человеческом облики, если такое возможно.

Мы с Томом прочли записку.

Мэйкотт, дай мальчикам то, что они хотят.

Эшкомб

– Вот это дело! – прошептал Том.

Лорд Эшкомб вскочил на лошадь. Солдаты тоже забрались на спины своих скакунов и двинулись следом за ним.

– Должен ли я докладывать вам о происходящем? – спросил я.

– Твоя аптека – твоё дело, – отозвался Эшкомб, – а мне нужно вернуться к королю. Так что придётся тебе разгадать тайну самостоятельно. Если только ты не узнаешь, что учитель оставил тебе нечто действительно интересное. Тогда я хочу об этом знать. Незамедлительно.

Он наклонился ко мне.

– И, Кристофер, если это рецепт, я ожидаю, что ты мне его покажешь. Так что на сей раз лучше не устраивать никаких взрывов. Тебе ясно?

– Д-да, милорд. – Я запнулся. – Но как мне с вами связаться? Разве вы не возвращаетесь в Солсбери?

– Всего на один день. – Он понизил голос. – Не надо об этом распространяться, но чума в Уилтшире разрастается. Королевский двор скоро переедет в Оксфорд. И с завтрашнего дня я буду там, чтобы все подготовить к приезду его величества.

– Так мне оставить для вас сообщение в Тауэре?

– Нет. Не говори никому, но Тауэр закрыт. Я поставил у ворот стражу, чтобы всё выглядело как обычно, но внутри никого нет. Если понадобится отправить сообщение, просто скажи Мэйкотту, и он всё устроит.

– О! Э-э... Ладно.

– В чём проблема на этот раз?

– Ни в чём. Вот только...

Я рассказал ему о Салли.

– Я надеялся, что, может быть, для неё найдётся работа в Тауэре.

– Ну вот что, – сказал лорд Эшкомб, – если ты, наконец, дашь мне уехать, я, возможно, спрошу при дворе, не нужна ли там кому-нибудь служанка. После того как доставлю эти документы королю. Который меня ждёт.

Я покраснел.

– Простите.

Он щёлкнул поводьями, и его лошадь двинулась вперёд. Лицо лорда Эшкомба смягчилось, пусть и совсем чуть-чуть, и он поднял руку в знак прощения.

– Рад был вас видеть, парни. Мы и так уже потеряли слишком много хороших людей из-за этой болезни. Так что берегите себя. – Он тронул пистолет за поясом. – Считайте, что это приказ.

Глава 9

Ратуша кишела народом. Комплекс правительственных учреждений располагался за Бэквеллским рынком, в северо-западной части Лондонской стены. Через два входа – с Кэт-стрит и Бейсингхолла – текло так много людей, что очереди обвивались вокруг рынка и тянулись до самого Чипсайда.

Как и мы с Томом, все желали встретиться с чиновниками. Некоторые хотели получить справку о состоянии здоровья, которая подтверждала, что предьявитель не болен чумой, и давала право путешествовать по дорогам Англии. Другие приходили просить о работе или о благотворительной помощи для бедных. Некоторые являлись, чтобы выразить своё возмущение налогом на огонь – учитывая, что в попытках замедлить распространение чумы, власти приказали разжигать костры по всему городу.

Толпа, должно быть, исчислялась тысячами; некоторые ждали приема по нескольку недель.

Настроения в толпе царили далеко не мирные: люди напирали, толкались, кричали и ругались. После нашего приключения на Королевской бирже, не говоря уже о риске заболеть, я вовсе не стремился стоять в этой очереди.

– У меня есть идея, – сказал я.

– О нет! – отозвался Том.

– Но это хорошая идея...

– О нет!

– Может, ты просто... будешь шевелить ногами?

Мы протиснулись к воротам на Кэт-стрит. И там я заорал:

– Сообщение для магистрата Мэйкотта! Сообщение для Мэйкотта! Дело короля! С дороги!

Я подтолкнул Тома вперёд. Люди проворчали, но расступились, пусть и не слишком охотно. Благодаря Тому мы проломились сквозь толпу к боковому входу в ратушу. Мы проскользнули в дверь и оказались в великолепно пустом зале.

Сюда выходили двери многочисленных кабинетов. Стены были покрыты деревянными панелями с изящной резьбой. Коридор уводил в обоих направлениях, по пути разделяясь на несколько перекрёстков.

Том огляделся.

– А куда мы сейчас идём?

Я понятия не имел. Я никогда не бывал здесь раньше. Мастер Бенедикт всегда держался как можно дальше от политики.

– Думаю, можно кого-нибудь спросить, – внёс я предложение.

– Но мы не имеем права тут находиться.

– Вообще-то, вроде как имеем.

Я направился куда глаза глядели, вынув из пояса записку лорда Эшкомба.

– Раз у нас есть бумага от Эшкомба, мы вроде как на королевской службе. Если мы просто объясним... ой!

Повернув за угол, я врезался в кого-то, успев лишь увидеть, как взметнулись вверх булки парика. Человек, которого я сбил, был довольно высоким, с косоватыми глазами. Сейчас, когда его зад соприкоснулся с полом, эти глаза отнюдь не выглядели счастливыми.

– Простите, сэр. Извините.

– Отстань от меня. – Он встал. – Кто вы? Как сюда попали?

– Мы... э-э... курьеры, – сказал я. – У нас сообщение от лорда Эшкомба для магистрата Мэйкотта.

Он протянул руку.

– Дай-ка посмотреть.

На миг я заколебался.

– Я секретарь Мэйкотта, Джеффри Шинглтон, – произнёс он. – Все сообщения для магистрата проходят через меня.

Мне вспомнилось предупреждение лорда Эшкомба.

– Но...

Вот и всё, что я успел сказать. Шинглтон выхватил у меня клочок бумаги. Он пробежал его глазами и фыркнул.

– Это что, какая-то шутка?

– Что? Нет!

– Здесь нет печати, – заявил Шинглтон, так сильно сощурившись, что я засомневался, видит ли он хоть что-нибудь вообще. – И едва ли есть подпись. И что за обрывок вместо нормального листа бумаги? Это худшая подделка, какую я видел.

– Это не подделка! – возмущённо сказал я. – Лорд Эшкомб приказал нам прийти сюда. Он сказал, что магистрат Мэйкотт узнает его почерк.

– Хитрый трюк, – Шинглтон поднял стеклянный колпак настенной лампы рядом с нами и поднёс к огню записку с подписью лорда Эшкомба. Я в ужасе наблюдал, как она скручивается, превращаясь в пепел и дым.

Из-за угла вывернул человек. Его чёрный камзол с гербом выдавал в нём офицера охраны.

– Вы очень вовремя, мистер Рид, – отчеканил Шинглтон. – Выкиньте этих двоих на улицу.

Именно на улице я и приземлился. Мистер Рид потащил нас по коридору до выхода, протаранил нами боковую дверь и вышвырнул с противоположной стороны ратуши, вдали от очередей.

Охранник так сильно толкнул меня, что я не удержался на ногах и шлёпнулся в грязь. Мистер Рид вознамерился сделать то же самое и с Томом, но габариты моего друга заставили его призадуматься. В конце концов он просто похлопал по палашу на боку.

– Занимайтесь своими делами в другом месте, – сказал он и захлопнул за нами дверь.

Том помог мне встать. Понимаясь на ноги, я проворчал:

– Тебя-то никто никогда не швырнёт в грязь.

– Что будем теперь делать? – спросил Том.

Мне хотелось пнуть дверь.

– Нам надо снова попасть внутрь.

Проблема лишь в том, что я понятия не имел, как это сделать. Шинглтон сжёг нашу записку, и мне нечего было предъявить магистрату Мэйкотту. Но и сходить к лорду Эшкомбу за новой я тоже не мог, поскольку он уже уехал из города. А единственным человеком, который мог связать меня с королевским эмиссаром, был тот же самый Мэйкотт. Итак, идти было решительно некуда.

В конце концов я все же решил пнуть дверь. Она затряслась от крепкого удара, но желаемого удовлетворения это не принесло. К тому же теперь у меня болела нога.

– Может, тот солдат из Тауэра нам поможет? – спросил Том. – Мы могли бы расспросить его жену, вдруг она что-то знает?

Я снял башмак и растёр пальцы ног.

– Он ведь уехал с лордом Эшкомбом. И я понятия не имею, как найти его жену. Вряд ли у вас были клиенты, которые работали бы в ратуше?

Как выяснилось, мы оба знали кое-кого, работавшего на город, хотя я никак не ожидал увидеть его здесь. Дверь, через которую нас выкинули, открылась. В проёме стоял щёгольски одетый мужчина.

– Том! – воскликнул он. – Я так и знал, что это ты!

Мой друг ошарашенно заморгал.

– Доктор Парретт? – изумился он.

Человек, стоявший перед нами, когда-то был одним из самых уважаемых врачей во всём Лондоне. Но прошлым летом его жена и его сын Джеймс погибли при пожаре. От горя он лишился рассудка, отказался от практики и бесцельно бродил по улицам; ночевал в обгоревшем остове своего дома, считая, что Джеймс не умер и по-прежнему живёт там вместе с ним. Когда за мной гонялись последователи культа Архангела, доктор Парретт пригласил меня к себе, дал убежище и ночлег. После этого мы с Томом иногда проводывали его, просто желая убедиться, что с ним всё в порядке – насколько это было возможно в его ситуации. Но никто из нас не видел Парретта с начала лета, поскольку безумие сделало доктора нелюдимым. А когда начала свирепствовать чума, мы почти перестали выходить на улицу.

Увидеть его в ратуше было неожиданностью, но не это удивило нас более всего. После гибели своей семьи доктор Парретт жил и одевался – как нищий. Однако сегодня на нём был тонкий шёлковый камзол и бриджи, а также совершенно новый парик. В глазах по-прежнему сохранялось диковатое выражение, но он выглядел гораздо лучше, чем во время нашей последней встречи. Во мне затеплилась надежда: может, его безумие наконец-то прошло?..

Доктор Парретт заметил меня.

– И Кристофер тоже здесь! Ну конечно, кому же ещё быть вместе с Томом?

– Что вы тут делаете? – спросил я. А потом осознал, как это прозвучало. – Я имею в виду... приятно видеть вас, сэр.

Он улыбнулся.

– И мне. Прости, что давно не заходил в Блэкторн, но я был довольно сильно занят. И отвечаю на твой вопрос: я устроился на работу – стал чумным доктором.

Это всё объясняло. Городским врачам платили за лечение больных – особенно бедных, которые не могли покрыть расходы сами. Большинство докторов не брались за эту работу, ведь тогда им пришлось бы постоянно иметь дело с больными чумой. И они вдобавок становились изгоями: никто не захотел бы приближаться к человеку, навещающему дома заражённых. Зато чумным докторам очень хорошо платили. А одиночество не было проблемой для Парретта: все друзья давно уже покинули его. Что до меня, то я был доволен. Работа чумного врача невероятно опасна, но мне казалось, что доктору Парретту она подходит как нельзя лучше. Об этом я ему и сказал.

– Да, – ответил он. – Я чувствую себя обновлённым. У меня появилась цель. И, конечно же, деньги никогда не лишние. А то я уже стал беспокоиться, как мне прокормить Джеймса.

У меня упало сердце.

– Так зачем же вы пришли в ратушу? – спросил он. – И почему мистер Рид выгнал вас?

– Лорд Эшкомб отправил нас сюда с посланием для магистрата Мэйкотта, – сказал я. – Но его секретарь решил, что мы воры.

Доктор Парретт покачал головой.

– Вот что я скажу: никогда не встречал более гнилого человека, чем этот Шинглтон.

– Не могли бы вы провести нас к его начальнику? – с надеждой спросил я.

Доктор Парретт почесал голову, запустив руку под парик.

– Я не знаком с Мэйкоттом. – Затем его лицо прояснилось. – Но знаю магистрата Олдборна. Он отвечает за благотворительность – её сейчас собирают в церквях по всей стране, чтобы помочь накормить бедных в Лондоне. Возможно, Олдборн представит вас Мэйкотту.

Я был не уверен, что дело выгорит. Теперь, когда записка лорда Эшкомба пропала, мне придётся надеяться лишь на авторитет доктора Парретта. Хватит ли его слова, чтобы Олдборн согласился представить нас Мэйкотту? Доктор выглядел гораздо более солидно, чем прежде, но безумие явно до сих пор не покинуло его. Похоже, он по-прежнему верил, что его сын жив. Тем не менее это был наш единственный шанс.

Доктор Парретт открыл перед нами дверь и улыбнулся. Том вошёл внутрь. Я отряхнулся и последовал за ним. Тот же охранник, который вышвырнул нас, всё ещё стоял в коридоре. Увидев нашу компанию, он подался вперёд. Доктор Парретт поднял руку.

– Они со мной, мистер Рид.

Я тоже поднял руку, намереваясь кое-что показать мистеру Риду, но Том вовремя пихнул меня в плечо.

В сопровождении доктора Парретта мы вернулись к дверям кабинетов, выходивших в большой зал, где ожидали просители.

– Так почему Эшкомб отправил вас в ратушу?

Я не знал, сколько могу рассказать Парретту.

– Вы никогда не видели здесь людей с бронзовыми медальонами на одежде? На левой стороне груди.

– Видел нескольких. Вы ищете кого-то конкретного?

– А не было среди них мужчины, одетого во всё синее? – нетерпеливо спросил я.

– Синее? – Доктор Парретт склонил голову. – Вроде бы нет...

– Те медальоны, – сказал Том, – вы знаете, для чего они?

– Они защищают от ангела смерти.

– Но лишь немногие их носят, – заметил я.

– Да, – кивнул доктор Парретт. – Это люди Мельхиора.

Мельхиор. Наконец у меня было подходящее имя для человека, о котором я слышал весь день.

– Один мой знакомый называл его человеком-птицей.

Парретт рассмеялся.

– Ха! Неплохое описание. Хотя, пожалуй, оно не слишком почтительное. Этот человек заслужил больше уважения.

– Люди говорят, будто он пророк.

– Он пророк.

Том нервно сглотнул.

– Правда?

– О да. – Доктор Парретт кивнул. – Официально он чумной доктор, как и я. Но у Мельхиора есть дар. Он знает вещи, которые под силу узнать лишь ясновидящему.

Глаза Тома расширились.

– Например, какие?

Доктор Парретт остановился перед одной из тяжелых деревянных дверей, выходящих в коридор.

– Мельхиор понимает ход этой чумы как никто другой. Я имею в виду – не с точки зрения врача, хотя в этом он тоже разбирается. Нет, он может предсказать путь самой болезни. Мельхиор знает, кто умрёт следующим.

Я похолодел. Салли говорила то же самое, но она была одурманена маковым настоем, и в тот момент я не поверил ей.

– Как такое возможно?

– Не знаю. Но я видел, как это происходит. Наши пути иногда пересекаются. Четыре раза я наблюдал у Мельхиора эти... видения, я полагаю. Он предсказывал, кто заболит – и всегда безошибочно. Все четверо тех бедных людей заразились. Его дар, несомненно, реален. –

Доктор Парретт понизил голос. – Хотя, возможно, мне не следовало так громко говорить об этом в ратуше.

– Почему нет?

– Видишь ли... Мельхиор недавно изрёк несколько предсказаний относительно магистратов. Люди нервничают.

Доктор Парретт постучал в дверь.

– Войдите, – сказал голос изнутри.

Кабинет за дверью был узким и тесным; здесь едва хватало места, чтобы открыть дверь, не ударив ей о стол в центре комнаты.

Сама комната, однако, оказалась безупречно убранной. На столе и стеллаже лежали стопки бумаг и книг в кожаных переплётах.

За столом сидел крохотный человек; сгорбившись, он писал что-то в одной из книг. На вид ему было лет пятьдесят. Он положил свой парик на пачку бумаг, обнажив лысину, окружённую венчиком волос.

– Добрый день, Генри, – поздоровался доктор Парретт.

– Хм? – Генри написал ещё несколько слов, а потом посмотрел на нас из-за серебристых очков в круглой оправе, ненадежно сидящих на кончике его носа. – О, здравствуйте, Джон, – любезно произнёс он. – Оставьте свой отчёт вон там, пожалуйста.

Он рассеянно указал пером на стопку бумаг на углу стола.

– На самом деле я здесь от имени этих ребят, – объяснил доктор Парретт. – Я хочу представить вам Кристофера Роу, ученика аптекаря, и Томаса Бейли, сына пекаря. Им нужна помощь Олдборна.

– О? – Генри оглядел нас с дружелюбным любопытством. – И что магистрат может для вас сделать?

Доктор Парретт обернулся к нам.

– Это Генри Коул, секретарь магистрата Олдборна. Объясни ему, что случилось с Шинглтоном.

Я рассказал, как Шинглтон сжёг записку лорда Эшкомба. Генри возвёл глаза к потолку.

– Посмотрел бы я, как он сделает нечто подобное перед королевским эмиссаром. Вот дурья голова!

Капля чернил с кончика пера Генри упала на страницу раскрытой книги. Он поднялся и вытащил из ближайшего ящика тряпку, чтобы вытереть пятно. Встав в полный рост, Генри оказался ненамного выше, чем казалось, пока он сидел в кресле. Думаю, Салли могла бы посмотреть ему прямо в глаза.

– Ну вот, я всё испортил.

Генри со вздохом отбросил тряпку и снова переключил внимание на нас.

– Кристофер, не так ли? Я буду рад попросить магистрата Олдборна напрямую поговорить с Мэйкоттом, хотя точно не знаю, когда он вернётся в ратушу. Я доставлял ему работу на дом. Он плохо себя чувствует.

Том посмотрел на меня. Я точно знал, о чём он думает. Как и доктор Парретт.

– Кто-нибудь его осматривал? – встревоженно спросил он.

– Это просто лёгкая простуда, – быстро сказал Генри.

– Но кто-нибудь осматривал его?

Генри поправил очки.

– Э-э...

– Генри! – воскликнул доктор Парретт.

– Он не позволил мне вызвать врача! – ответил секретарь, будто защищаясь. – Но поверьте, у него не может быть чумы. Если бы он не сказал мне, я бы даже не понял, что он приболел.

Доктор Парретт нахмурился.

– Олдборн сидит дома, потому что ему плохо... но не кажется больным? Может ли быть, что магистрат уклоняется от своих обязанностей?

– Конечно же нет.

– Когда вы были в доме Олдборна? – спросил доктор Парретт, – вы видели его семью?

– Нет, мы встречались наедине.

Это звучало уже совсем нехорошо. Том начал помаленьку пятиться назад. Что до Генри, он просто выглядел озадаченным.

– Мельхиор сделал предсказание, – напомнил доктор Парретт.

– Мельхиор? Нет-нет, уверяю вас, Джон, магистрат... – Генри прижал руку ко рту. – Постойте! Вы же не думаете, что семья Олдборна...

Раздался женский крик. Он слышался снаружи, со стороны главного зала. На миг все замерли. Криков становилось всё больше.

– Что за чёрт? – спросил Генри.

Он схватил со стола свой парик и, протиснувшись мимо нас, поспешил в коридор. Мы ринулись следом. Крики нарастали. Это звучало так, будто вспыхнула очередная драка. Затем шум начал ослабевать...

Генри первым прошёл через дверь. Толпа просителей, ожидавших в зале, заметно поредела – большинство людей попросту сбежали. Те, кому повезло меньше, лежали на полу, растоптанные удирающей толпой. Некоторые жались к дальней стене, потому что выход из ратуши перегораживал мужчина. Он был богато одет, но его костюм пребывал в беспорядке, а подбородок зарос щетиной. На руках он держал девочку лет девяти, в украшенном кружевом изумрудно-зелёном платье. Её голова бессильно откинулась назад – на локоть мужчины.

Генри отшатнулся.

– М-магистрат Олдборн! – воскликнул он.

Олдборн повернулся к нам. Теперь мы увидели лицо девочки. От уголка рта к уху тянулась струйка окрашенной кровью слюны. Невидящими глазами она смотрела в потолок. Девочка была мертва.

Глава 10

Том попятился и врезался в меня с такой силой, что едва не свалил с ног. Генри застыл в дверях; его очки почти соскользнули с носа. Лицо секретаря стало почти таким же бледным, как у мёртвой девочки.

Магистрат Олдборн, похоже, его не заметил:

– Кто-нибудь поможет мне? Моя дочь... – Он нежно баюкал её. – Она не просыпается.

Доктор Парретт бесстрашно шагнул вперёд.

– Так почему бы не дать ей отдохнуть, сэр? – тихо сказал он.

Магистрат Олдборн моргнул.

– О. Да. Конечно.

Он опустился на колени и положил тело девочки на пол. Убрал волосы с её лица, сдвигая белокурые пряди, которые от кровавой пены на щеке окрасились клубнично-розовым цветом.

Кабинет Генри находился рядом с главным входом. В отличие от тех, кто попал в ловушку в задней части зала, мы могли спокойно выйти на свежий воздух. От двери на улицу нас отделяли лишь несколько раненых, лежавших на полу. Я почувствовал, что меня охватывает желание убежать следом за толпой. Том думал так же. Он потянулся к моей руке, словно намереваясь утащить меня за собой. Человек, пойманный в ловушку в задней части зала, смотрел на нас так, будто очень хотел бы поменяться с нами местами.

– Этот дурак угробит нас всех, – простонал он.

Доктор Парретт протянул к нему руку.

– Успокойтесь, пожалуйста. Диагноз ещё не поставлен.

– Это чума, ясное дело! – крикнула какая-то женщина.

Мне тоже всё казалось очевидным. Но тут от входа в ратушу донёсся голос. Он прогремел по всему залу, эхом отразившись от стен.

– Значит, вы можете говорить за нас?

Все обернулись. В дверном проёме стояла человеческая фигура, тёмная на фоне ясного летнего неба. Затем человек – кем бы он ни был – вышел вперёд. Он был одет в вишнёво-красный плащ из плотной кожи, доходивший ему до лодыжек. Перчатки у него тоже были кожаные, тёмно-коричневые, а пальцы на них – такие длинные, что кончики загибались, как когти. Голову покрывала чёрная широкополая шляпа. Но самое поразительное – кожаная маска, закрывающая лицо. Из её центра тянулся длинный слегка изогнутый клюв. От кончика клюва поднимались тонкие клубы дыма, словно прищелец дышал огнём.

«Человек-птица», – подумал я.

Маска охватывала всю голову, полностью закрывая её. В кожу была вшита пара толстых стёкол, словно гигантские очки. Сквозь них виднелись глаза – пылавшие такой яростной силой, какую я видел прежде лишь раз – у лорда Эшкомба.

Мужчина вышел вперёд. В руке он держал трёхфутовый серебряный посох толщиной в дюйм. Посох венчала миниатюрная горгулья с чёрными, как сажа, головой, и телом, и раскинутыми серебристыми крыльями. Прищелец воздел посох над головой. Толпа замерла.

Том едва слышно спросил:

– Что это такое?

– «Это», – ответил доктор Парретт, – Мельхиор.

Следом за чумным доктором – и пророком – в зал вошли восемь человек с неподвижными, точно каменными, лицами. На них была неброская простая одежда из шерсти и льна, и все носили один и тот же символ – на груди, на их куртках, прямо над сердцем, виднелись бронзовые медальоны.

Те самые люди, которых я хотел найти! И всё же сейчас я едва взглянул на них. Как и Том, я с разинутым ртом смотрел на человека в птичьей маске. Он вышел вперёд, стуча каблуками по каменному полу.

Его люди двинулись следом. Они стояли рядом с ним, словно телохранители. На поясах висело оружие: палаши, топоры, дубинки, кремневые пистолеты, точно как у тех мужчин, которые приходили в мою аптеку. Сам Мельхиор оружие не носил, как и бронзовый медальон. Но на кожаном плаще был нарисован чёрно-белый символ.

То же изображение, что и на медальонах – круг с направленным вверх треугольником по центру. Меж тем символ Мельхиора был достаточно большим, чтобы я разглядел его как следует и понял, что ошибся: в треугольнике не крест, а меч. И ещё я сумел наконец прочитать идущую по кругу надпись. Она была на латыни и гласила: *Contra malignitatem protege nos* – «Защити нас от зла».

Пророк кивнул доктору Парретту. Дым, поднимавшийся от маски, за клубился, окружив голову Мельхиора сероватым облаком.

– Приветствую вас, сэр.

Доктор Парретт почтительно поклонился.

– Это честь для меня, Мельхиор, как и всегда.

Сквозь стёкла в маске пророк уставился на тело девочки.

– Ещё одна?

– Я пока не осмотрел её, – сказал доктор Парретт.

– Тогда приступим.

Мельхиор протянул руку с серебряным посохом. Подцепив горгульей подбородок мёртвой девочки, он поворачивал ей голову то вправо, то влево, разглядывая шею. Не найдя чёрных пустул, Мельхиор запустил серебряное крыло под платье и распустил шнуровку, обнажив кожу под ключицей. Он замер. Кожа девочки была ярко-красной. Толпа застонала. Доктор Парретт тихо подтвердил:

– У неё есть знак. Это чума.

Генри перекрестился – так поспешно, что чуть не сбил с носа очки. Том скрестил пальцы на обеих руках и прижался ко мне. Я подался назад.

– Мы должны вынести тело из зала, – сказал доктор Парретт, по-прежнему тихо. – Том, будь добр, помоги.

Том вжался в меня с такой силой, что едва не раздавил о стену.

– Я?..

Доктор Парретт указал на людей, лежавших на полу.

– Помогите раненым выбраться на улицу, хорошо? А я возьму девочку.

Мой друг чуть не рухнул в обморок от облегчения. Он отступил от тела и почти бегом ринулся к ближайшему человеку, которого чуть не растоптала удирающая толпа, – пожилой женщине. Она держалась за повреждённую лодыжку, но, похоже, не чувствовала боли. Как и большинство других, она с благоговением смотрела на Мельхиора.

Я вознамерился помочь Тому, но доктор Парретт остановил меня.

– Остайся с магистратом, – сказал он негромко. – Только не прикасайся к нему.

Мне не нужно было повторять это дважды.

Доктор Парретт взял девочку на руки и вынес из зала. Олдборн стоял на месте, уставившись в пол.

– Всё так, как и было предсказано, – сказал Мельхиор, не обращая ни к кому конкретно.

Я вспомнил, что говорил нам доктор Парретт: Мельхиор недавно сделал предсказания относительно некоторых чиновников магистрата. Ещё одно пророчество сбылось.

Генри осторожно шагнул вперёд.

– Э... Прощу прощения. Сэр?

Люди Мельхиора зашевелились, когда Генри приблизился. Они внимательно следили за ним, руки незаметно скользнули к оружию на поясах. Генри остановился и нервно перевёл взгляд с людей Мельхиора на самого пророка, возвышавшегося над маленьким человечком. Мельхиор этого не заметил. Он разглядывал потолок, словно что-то искал.

Генри прочистил горло и попытался снова:

– Сэр?

Мельхиор наконец опустил взгляд и посмотрел на Генри сквозь стёкла в маске.

– Кто ты?

Человечек отпрянул.

– Генри Коул, сэр. Я секретарь магистрата Олдборна. Помогаю управлять делами благотворительности.

Мельхиор ничего не ответил. Генри дёрнул себя за воротник.

– Джон Парретт сказал мне, что вы... э... в последнее время сделали новые предсказания.

Мельхиор склонил голову набок. Дым, поднимавшийся от его клюва, переливался в солнечных лучах. Теперь я испугался, что Генри может хлопнуться в обморок.

– Он сказал... Я слышал, что одно из них... касалось магистрата Денча. Что он заболит. Кто-нибудь... э... обследовал его?

Толпа молча ждала. Мельхиор продолжал смотреть на Генри. Наконец пророк заговорил:

– Я был в доме Денча сегодня утром. Он заражён.

Люди застонали. Взгляд Мельхиора вновь обратился к потолку.

– Я закрыл его дом на карантин.

Напряжение от присутствия Мельхиора стало чрезмерным для Генри. Он отступил ко мне и бессильно опёрся о стену, стаскивая парик. Провёл кудрями парика по лицу, утирая пот, капавший со лба.

– Дом магистрата Олдборна тоже надо закрыть, – прошептал он мне. – Люди будут в ярости. И я был там. Как я мог это пропустить?

На самом деле не трудно было понять, как он это пропустил. Хотя закон требовал от хозяев домов позвать врача в течение двух часов после появления любых симптомов, многие пытались скрыть их. Согласно городским правилам, каждый чумной дом следовало опечатать,

а всех жильцов поместить в карантин – не важно, больны они или нет. Те, кто оказывался внутри такого дома, попадал в ловушку, и это могло стать смертным приговором. Некоторые семьи подкупали врачей, чтобы те объявили болезнь родственника не чумой, а чем-нибудь другим. Иные просто никому ничего не говорили. Как выяснилось, именно так и поступил магистрат Олдборн. Тревога Генри была понятна.

Двадцать человек, оставшиеся в задней части главного зала, злобно уставились на скорбящего магистрата. И дело было не только в том, что он подверг их опасности, принеся сюда тело дочери. Им не нравились чиновники, которые не следовали правилам, обязательным для всех остальных. Уж конечно, любой простолюдин, сделавший нечто подобное, понёс бы жестокое наказание. Если б только эти люди могли – они бы вздёрнули магистрата прямо на улице.

Я оглянулся на Мельхиора и его охрану. Живот сжался в тугой комок, когда я увидел, что Мельхиор смотрит прямо на меня.

– Я вижу тебя, – сказал он. – Вижу тебя сейчас.

Он раскачивался взад-вперёд, словно его подталкивал невидимый ветер. Пророк снова склонил голову набок, будто бы к чему-то прислушиваясь. Я же не слышал ничего, кроме ударов собственного сердца.

Генри сделал шаг назад.

– Что-то не так? – спросил он.

– Он здесь, – сказал Мельхиор.

– Кто? – мой голос прозвучал хрипло.

Мельхиор подошёл ближе.

– Где ты?

Ворчание людей прекратилось. Даже магистрат Олдборн уставился на Мельхиора в замешательстве. Пророк поднял свой посох.

Его последователи упали на колени. Пророк медленно повернул голову и уставился на горгулью.

– Он коснулся тебя, – сказал Мельхиор, по-прежнему глядя на горгулью. Но разговаривал он отнюдь не с ней.

– К-кто к-коснулся? – запинаясь спросил я.

– Ангел, – сказал Мельхиор. Посох медленно опустился. Чёрная голова горгульи приблизилась ко мне. Я попятился. Я растворился бы в камне, если бы мог.

– Ты ходил за ангелом, – сказал он.

У меня отвисла челюсть.

– Как... как вы...

– Теперь же ангел ходит за тобой. Он зовёт тебя. Ты и всё твоё сейчас в его власти. Ты принадлежишь ангелу смерти. – Глаза Мельхиора вспыхнули. – Человек, которого ты любишь, умрёт.

Глава 11

Я не мог пошевелиться. В зале было совершенно тихо. Всё, что я видел в этот миг, – горгулья на конце посоха Мельхиора, оскалившая почерневшие зубы.

А потом Мельхиор рухнул. Он упал на колени. Посох вывалился из безвольных ослабевших пальцев и заскользил по полу.

Соратники пророка бросились вперёд и подхватили его. Он повис на их руках, трясая головой, словно оказался во власти кошмара. Я вдруг понял, что рядом со мной никого нет. Те люди, которые оставались в зале, прижимаясь к дальней стене, в ужасе уставились на меня. Генри отошёл ещё дальше. Он стоял в дверях, наполовину спрятавшись за дверную раму.

Молчание нарушили доктор Парретт и Том, вернувшиеся с улицы. Когда они проходили мимо Мельхиора, Том обошёл доктора Парретта так, чтобы тот оказался между ним и пророком в маске.

Парретт опустился рядом с Олдборном.

– Ваша дочь отдыхает на улице, на траве, – сказал он.

Олдборн опустил голову. Доктор Парретт остался рядом и тихо говорил что-то магистрату. Я не слушал их – я не сводил глаз с клюва чумного доктора, обмякшего на руках своих охранников. Голос Мельхиора гудел в ушах, эхом отдавался в голове. «Ты ходил за ангелом».

– Кристофер.

Я обернулся. Том стоял рядом со мной. Выглядел он испуганным.

– Почему ты мне не ответил? Я спросил, всё ли у тебя в порядке.

«Человек, которого ты любишь, умрёт».

– Ты... ты же не прикасался к девочке, а?

– Конечно нет.

Том посмотрел на доктора Парретта. Рука доктора мягко покоилась на локте магистрата Олдборна.

– Не понимаю, как он может так делать.

– Он хороший человек.

«А вдобавок, – мысленно прибавил я, – ему нечего терять».

Доктор Парретт окликнул Генри.

– Больше здесь ничего не поделаешь, – тихо сказал он. – Надо очистить зал и отвести магистрата в его кабинет.

– Верно. Да. Конечно.

Похоже, маленький человечек успокоился при мысли, что можно заняться чем-то полезным.

– Добрые люди, – обратился он к толпе, – после обеда ратуша работать не будет. Пожалуйста, приходите завтра, и тогда мы вам поможем.

– Поможете с чем?

Мы все обернулись. Человек, сказавший это, стоял у входа в зал – там же, где был Мельхиор лишь несколько минут назад. Высокий широкоплечий мужчина с длинными светлыми волосами...

Я удивлённо посмотрел на Тома. Это был Гален, аптекарь, которого мы видели на рынке. Очевидно, Генри тоже узнал его, потому что вздохнул и пробормотал:

– Опять?

Галену сильно досталось в драке. На его виске – там, куда его ударил шарлатан, – виднелась шишка, уже побагровевшая. Глаза заплыли, веки припухли и потемнели. Его одежда, испачканная остатками аптекарских ингредиентов, была измята. Ворот разорван по шву.

Аптекарь вошёл в зал.

Проходя мимо Мельхиора и его людей, он замедлил шаг и с любопытством оглядел человека-птицу. Затем Гален остановился перед нами.

– Будьте добры, мистер Коул, объясните им, – сказал он. – Как именно вы можете помочь этим людям?

– Виддоусон, – буркнул Генри, – сейчас это не ко времени.

– А когда же будет ко времени? – Гален кивнул на оставшуюся толпу. – После того, как они тоже заболеют?

Толпа охнула.

Генри разволновался.

– Здесь никто не заразится! – Он обернулся к Галену. – Уходите!

– Я бы с удовольствием, – отозвался Гален, – но горожане настаивают, чтобы я договорился с магистратами.

– И вы уже получили ответ! Мы не заинтересованы.

– Как же так вышло, что вас не интересует лекарство от чумы?

По толпе пробежал шум. Я заметил, что доктор Парретт и в самом деле не заинтересовался – он едва взглянул на аптекаря. Мельхиор, который до сих пор не оправился после произнесённого пророчества, тоже, казалось, был не особо впечатлён.

– У него нет никакого лекарства, – заверил всех Генри.

Гален выгнул бровь.

– Вы столь же умны, – сухо сказал он, – сколь и высоки ростом.

Краска залила лицо Генри.

– Да как вы смеете?!

Эта сцена отвлекла магистрата Олдборна от его скорби. Он поднял взгляд.

– В чём дело? Кто вы?

– О, простите, магистрат. – Гален низко поклонился. – Меня зовут Гален Виддоусон. Я аптекарь. Я учился за границей, искал какое-нибудь средство для лечения чумы. Через много лет я вернулся домой, поскольку наконец-то нашёл лекарство.

Генри встал между Галеном и своим начальником.

– Этот человек только что потерял дочь, – сказал он аптекарю. – У вас нет ни капли порядочности?

Глаза Галена вспыхнули.

– Порядочность, Коул, дала бы мне шанс спасти девочку. И вылечить других детей, но вам нет до них дела.

– Я переживаю за каждого ребёнка в этом городе, – пробормотал Генри.

– Ах так? Тогда это должно вас порадовать. – Гален повернулся к входу в ратушу и крикнул: – Заходи!

В открытую дверь опасно заглянула женщина в рваной одежде. Она медленно вошла, положив руки на плечи маленькой девочки и подталкивая, которая шла впереди.

– Всё в порядке, – мягко сказал Гален. – Не бойся.

Он поманил женщину к себе.

– Итак, милая, скажи нам: кто из этих джентльменов лечил твою дочь?

Она указала на доктора Парретта.

– Покажи ему, – велел Гален.

Нежно подталкивая девочку, женщина подошла к доктору Парретту.

– Пожалуйста, ваша милость, – сказала она. – Вы помните Беатрис? Вы ухаживали за ней в чумном бараке.

Она вывела девочку вперёд. Доктор Парретт посмотрел на неё.

– Хм? Ах да, конечно. Я... Боже мой!

Он взялся за осмотр. Мы все наблюдали за ним. Равно, как и Мельхиор, который наконец-то оправился. Равно как его охранники. Доктор Парретт заглянул девочке в глаза, обследовал горло. Расстегнув на девочке платье, осмотрел её. И в конце концов, ошеломлённый, отступил назад.

– Как такое возможно? – прошептал он.

Женщина прижала девочку к груди.

– Добрый мастер Гален дал Беатрис какое-то лекарство, ваша милость. И ей стало лучше. Толпа загудела. Олдборн уставился на девушку, словно она восстала из мёртвых.

– Это правда? – спросил он.

Доктор Парретт осмотрел девочку более тщательно, вертя её туда-сюда.

– Она была больна лишь день назад, – с изумлением сказал он Мельхиору. – И она определено должна была умереть.

Мельхиор медленно перевёл взгляд на Галена.

– Чудо, – пробормотал он.

– Совпадение, – возразил Генри, но он выглядел немного сбитым с толку.

Гален покачал головой, словно разочаровавшись в нерадивом ученике. И Генри, казалось, не обращал внимания на тот факт, что толпа сердито смотрела на него – таким же недружелюбным взглядом, каким ещё недавно пронзала магистрата Олдборна.

– Никакого лекарства не существует, – сказал Генри доктору Парретту. – Со всем уважением, Джон, но вы, должно быть, поставили девочке неверный диагноз.

Доктор Парретт покачал головой.

– Уверю вас, что нет. У Беатрис были головные боли, потливость, рвота, ломота в суставах. Она бредила, начались приступы. И на груди был знак – покрасневшая кожа. Точно как у... – Парретт осёкся, бросив взгляд на Олдборна. – Как у многих других, – закончил он.

Мельхиор по-прежнему не сводил глаз с Галена.

– Замечательно. – В тоне мужчины было что-то тревожащее – острое, как жало. Сейчас, когда его слова заглушала птичья маска, я не мог с точностью понять, в чём тут дело.

Люди, стоявшие у задней стены зала, подались вперёд.

– Мы спасены! – крикнул один из них, а остальные подхватили этот клич.

– Нет, постойте... – начал Генри.

Магистрат Олдборн встал и схватил Галена за плечо.

– Вы действительно можете остановить чуму?

Гален сжал руку магистрата. С тех пор как началась эпидемия, я впервые увидел незнакомцев, которые без опаски прикасались друг к другу.

– Могу, – сказал он. – Клянусь в этом своей жизнью.

Олдборн уставился на него, словно не был уверен, что аптекарь настоящий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.